

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность

(код и наименование направлению подготовки, специальности)

Оперативно-розыскная деятельность

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Простое убийство и сложности его квалификации»

Студент

Ш.И. Ализаде

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, С.В. Юношев

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Аннотация

Актуальность. Несмотря на положительную динамику снижения и относительно небольшой процент убийств в общей структуре преступности, данные преступления не перестают быть менее общественно опасными, т.к. для общества и государства ценна жизнь каждого отдельно взятого человека и убийство одного – это уже необратимая потеря и трагедия. В связи с чем не теряет своей актуальности и важности исследование простого убийства, в процессе квалификации которого на практике возникает ряд трудностей и сложностей, среди которых можно выделить лишь некоторые.

Цель выпускной квалификационной работы – уголовно-правовой анализ состава простого убийства, а также выяснение вопросов, возникающих в процессе квалификации.

Задачи исследования:

- рассмотреть понятие и виды преступлений против жизни и определить место простого убийства среди других видов убийств;
- определить понятие и виды простого убийства;
- исследовать объективные признаки состава простого убийства;
- проанализировать субъективные признаки состава простого убийства;
- провести разграничение простого убийства от других умышленных посягательств на жизнь человека;
- выявить сложности, возникающие при квалификации простого убийства в случае добровольного отказа от убийства.

Теоретическая база исследования: труды следующих ученых: С.В. Бородина, А.А. Пионтковского, М.Д. Шаргородского и др.

Выпускная квалификационная работа структурирована в соответствии с поставленными целью и задачами исследования и включает: введение, три главы, поделенные на шесть параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Понятие, виды и место простого убийства среди других видов убийств	8
1.1 Система уголовного законодательства Российской Федерации об ответственности за преступления, посягающие на жизнь человека	8
1.2 Понятие и виды простого убийства.....	15
Глава 2 Уголовно-правовой анализ состава простого убийства.....	27
2.1 Объективные признаки состава простого убийства	27
2.2 Субъективные признаки состава простого убийства	40
Глава 3 Вопросы квалификации простого убийства	56
3.1 Отграничение простого убийства от иных умышленных посягательств на жизнь человека	56
3.2 Квалификация содеянного при добровольном отказе от убийства	64
Заключение	75
Список используемой литературы и используемых источников	80

Введение

Человек является уникальным и самым ценным творением природы со всеми его многочисленными гранями, особенностями и проявлениями природного и социального бытия. Говоря словами известных ученых и мыслителей, человек, являясь высшим продуктом земной природы (И.П. Павлов), «по своей природе есть существо общественное» (Аристотель) [108, с. 401]. Важнейшими его природными благами как социального субъекта, участника общественных отношений, являются жизнь и здоровье. Человек особенно нуждается в эффективной защите и охране, в том числе от самого себя, всеми возможными средствами, включая средства уголовно-правового воздействия.

Как справедливо подчеркивает С.В. Черниченко, «без обеспечения права на жизнь становится бессмысленной постановка вопроса о соблюдении социальных прав и свобод» [34, с. 123]. Говоря об «обеспечении права на жизнь», автор имеет в виду по существу фактическое обеспечение жизни человека в обществе, без чего нет никакой возможности соблюсти (обеспечить) остальные права и свободы человека как гражданина и члена общества.

Ныне действующая Конституция Российской Федерации в ст. 2 впервые, хотя во многом и формально, предусматривает ответственность государства за необеспечение, несоблюдение обязанности, оставление без защиты прав и свобод человека и гражданина. А в статье 20 Основного закона страны указывается, что именно право на жизнь является основополагающим, естественным и неотъемлемым правом каждого россиянина.

При посягательстве на жизнь наступают необратимые последствия, которые не подлежат восстановлению или сколько-нибудь адекватному возмещению. Российский законодатель уделил этому объекту правового регулирования особое внимание, поместив преступления, непосредственно посягающие на жизнь человека, в самом начале Особенной части Уголовного

кодекса Российской Федерации (раздел 7, гл. 16), признав охрану жизни приоритетной задачей уголовного закона, а убийство самым опасным видом преступлений, в том числе в системе посягательств на жизнь. Убийство лишает человека жизни, а с нею и всех прав, свобод и возможностей, которыми пользуется живой и еще вполне здоровый человек.

Официальные статистические данные свидетельствуют о постоянной тенденции снижения количества убийств и покушений на убийство. Так, если в 2014 годы было зарегистрировано 11933 преступлений, то в 2015 г. – 11496, в 2016 г. – 10444, в 2017 г. – 9738, в 2018 г. – 8574 и в 2019 г. – 7948. Снижается и количество не раскрытых преступлений, направленных против жизни человека: в 2014 г. – 1,2 тыс., в 2015 г. – 1,1 тыс., в 2016 г. – 932, в 2017 г. – 783, в 2018 г. – 639, в 2019 г. – 600 убийств [88; 89; 90; 91; 92]. Несмотря на положительную динамику снижения и относительно небольшой процент убийств и других умышленных причинений вреда здоровью населения в общей структуре преступности (1,6 % по состоянию на декабрь 2019 г.) [92], данные преступления не перестают быть менее общественно опасными, т.к. для общества и государства ценна жизнь каждого отдельно взятого человека и убийство одного – это уже может быть необратимая потеря и трагедия.

В связи с чем не теряет своей актуальности и важности исследование простого убийства, в процессе квалификации которого на практике возникает ряд трудностей и сложностей, среди которых можно выделить лишь некоторые.

Во-первых, необходимо назвать теоретико-правовой аспект, вызывающий дискуссии в науке уголовного права, связанный с расположением группы преступлений против жизни в системе действующего уголовного законодательства Российской Федерации. Кроме того, высказываются предложения о дополнении легального определения убийства другими расширяющими его признаками.

Во-вторых, при квалификации трудности возникают при установлении субъективных признаков состава простого убийства. Так, не всегда

однозначно решается вопрос о направленности умысла в момент нанесения потерпевшему ранений. Предметом острых дискуссий на протяжении уже не одного столетия является оценка убийства, совершенного по мотиву сострадания к потерпевшему, а также с его же согласия.

В-третьих, возникают сложности разграничения простого убийства от других умышленных посягательств на жизнь. Речь идет, прежде всего, о случаях, когда необходимо устанавливать мотив и возникают вопросы разграничения, к примеру, ревности и хулиганских побуждений, ревности и мести, имеющие сугубо личный характер.

В-четвертых, не до конца решенными остались вопросы добровольного отказа от убийства, в частности, на стадии оконченного покушения, когда смерть потерпевшего не наступила. Все это находит свое прямое отражение на практике, которая не является единообразной.

Все выше изложенное обуславливает актуальность темы настоящей выпускной квалификационной работы – «Простое убийство и сложности его квалификации».

Цель выпускной квалификационной работы – провести уголовно-правовой анализ состава простого убийства по действующему Уголовному законодательству Российской Федерации и выявить вопросы, возникающие в процессе квалификации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть понятие и виды преступлений против жизни и определить место простого убийства среди других видов убийств;
- определить понятие и виды простого убийства;
- исследовать объективные признаки состава простого убийства;
- проанализировать субъективные признаки состава простого убийства;
- провести отграничительный анализ простого убийства от других умышленных посягательств на жизнь человека;

- выявить сложности, возникающие при квалификации простого убийства в случае добровольного отказа от убийства.

Степень научной разработанности темы достаточно высока и характеризуется большим разнообразием вопросов и аспектов исследования, нередко находящихся на стыке нескольких наук и научных направлений.

При написании настоящей выпускной квалификационной работы автор изучал и анализировал труды таких ученых как С.В. Бородина, А.А. Пионтковского, М.Д. Шаргородского и др.

Выпускная квалификационная работа структурирована в соответствии с поставленными целью и задачами исследования и включает: введение, три главы, поделенные на шесть параграфов, список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие, виды и место простого убийства среди других видов убийств

1.1 Система уголовного законодательства Российской Федерации об ответственности за преступления, посягающие на жизнь человека

В главе 2 Конституции Российской Федерации [29] провозглашено, что права и свободы человека являются высшей ценностью. Реализации данных требований Конституции РФ и аналогичных им положений норм международного права [13], охране личности служат федеральные законы, которые обеспечивают права и создают благоприятные условия для их претворения в жизнь.

К примеру, одной из важнейших задач Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [101] признаются именно охрана человека, его прав, свобод и интересов от преступных посягательств, а также пресечение наиболее опасных из них и назначение соответствующего наказания. Значимость для государства и общества защиты личности обусловила то, что Особенная часть УК РФ начинается с раздела VII «Преступления против личности», который включает:

- главу 16 «Преступления против жизни и здоровья» (ст. 105-125 УК РФ);
- главу 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» (ст. 126-128.1 УК РФ);
- главу 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (ст. 131-135 УК РФ);
- главу 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» (ст. 136-149 УК РФ);
- главу 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» (ст. 150-157 УК РФ).

Под личностью следует понимать социальный статус индивидуума. основоположник термина «личность» является американский антрополог Рут Бенедикт, которая предложила использовать данный термин для описания статуса человека. При этом личность отображает психические, интеллектуальные, нравственные, социальные и творческие способности человека [82, с. 7].

Как объект уголовно-правовой охраны, понятие личность является собирательным и выступает в качестве межродового объекта, охватывая такие родовые объекты уголовно-правовой охраны, как жизнь и здоровье, свобода, честь, достоинство, половая неприкосновенность и половая свобода, конституционные права и свободы, интересы семьи и несовершеннолетних [96, с. 18].

Важнейшей составляющей в структуре личности выступают жизнь и здоровье человека, в связи с чем, глава 16 УК РФ открывает как раздел VII, так и в целом Особенную часть УК РФ.

В главе 16 УК РФ можно выделить три вида преступлений против жизни: убийство (ст.ст. 105-108 УК РФ), причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) и доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ).

Однако некоторые ученые такое расположение преступлений против жизни оценивают как несправедливую и бессистемную [83, с. 151]. Подобное отношение ученых объясняется тем, что указанными составами УК РФ не ограничивается и в других главах также предусмотрены умышленные посягательства на жизнь конкретных лиц, осуществляющих государственно важные функции (государственные или общественные деятели (ст. 277 УК РФ гл. 29 УК РФ), лица, осуществляющие правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ гл. 31 УК РФ), сотрудники правоохранительных органов (ст. 317 УК РФ гл. 32 УК РФ)). Кроме того умышленное причинение смерти является квалифицирующим составом таких преступлений, как террористический акт (п. «б» ч 3 ст. 205 УК РФ), захват заложников (ч. 4 ст. 206 УК РФ), диверсия (ч. 3 ст. 281 УК РФ).

Непоследовательность в данном случае видится в том, что состав ст. 105 УК РФ предусматривает такие квалифицирующие составы, как убийство, сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и из хулиганских побуждений (п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Однако исходя из логики законодателя, данные квалифицирующие признаки правильнее было бы предусмотреть в соответствующих статьях, как это сделано в указанных выше ст.ст. 205, 206 и 281 УК РФ. Кроме того, не совсем понятно, почему законодатель не предусмотрел такой же квалифицирующий признак как умышленное причинение смерти в составах бандитизма (ст. 209 УК РФ), угона воздушного или водного транспорта или железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК РФ), насильственного захвата власти или насильственного ее удержания (ст. 278 УК РФ), вооруженного мятежа (ст. 279 УК РФ) и др.

Более того, начиная главу 16 УК РФ с преступлений против жизни, как представляющих самую большую опасность в последующих статьях этой же главы, предусматриваются квалифицированные составы в преступлениях, посягающих на здоровье человека (например, ч. 4 ст. 111, ч. 3 ст. 123, ч. 2 ст. 124 УК РФ). Однако без внимания законодателя остались такие составы, как ст. 120, 125 УК РФ, в которых отсутствует соответствующий квалифицирующий признак как неосторожное причинение смерти человеку [84, с. 48-49].

Изложенное позволяет ученым сделать вывод о необходимости совершенствования структуры УК РФ с целью его еще большей оптимизации [84, с. 50].

Так, Б.В. Сидоров и А.Г. Бабичев предлагают изменить название VII раздела на «Преступления против человека и его личности», обосновывая это тем, что лишение жизни лишает не права на жизнь как элемента личности, а природного блага, принадлежащего человеку как био-социальному существу [83, с. 152]. Иными словами, необходимо разделять человека как социального субъекта и личность как отображение способностей человека.

Интересно предложение этих же ученых разделить главу 16 УК РФ на две самостоятельные главы, предусматривающие отдельно преступления против жизни и отдельно, преступления, посягающие на здоровье человека. Данное предложение имеет как отрицательные, так и положительные стороны.

К отрицательным следует отнести то, что жизнь и здоровье человека взаимосвязаны и являются главными ценностями, охраняемыми законом. Дробление объекта посягательства создаст трудности при квалификации, приведет к увеличению составов преступлений. При этом возникнет вопрос - в какой главе разместить статью, предусматривающую умышленное причинение тяжкого вреда или некоторые другие составы причинения вреда здоровью, повлекшие смерть потерпевшего по неосторожности? Нельзя отрицать и случаи, когда преступления против здоровья перерастают в преступления против жизни.

Положительным является то, что речь идет в данном случае о подразделении преступлений, обладающих разной общественной опасностью, поэтому их подразделение по главам вполне целесообразно. При этом, уголовный закон будет более системным и дифференцированным, в нем будет установлен приоритет более важных общественных отношений, охраняемых уголовным законом. А то, что здоровье человека неразрывно связано с его жизнью, и наоборот, вовсе не значит, что те и другие объекты охраны заслуживают одинаковой уголовно-правовой оценки и защиты [84, с. 52].

Все чаще на страницах научной печати появляются заявления о включении в действующий УК РФ нормы, предусматривающей уголовную ответственность за эвтаназию, т.е. за убийство с согласия потерпевшего [104; 107].

Представляется, что данная инициатива нуждается в обязательном законодательном закреплении в ближайшее время, дабы соответствовать передовому опыту цивилизованных стран, тем более, если смотреть на судебную практику, то за такие преступления дают сравнительно небольшие сроки. Соглашаясь с необходимостью включения в УК РФ самостоятельного

состава за убийство, совершенного из сострадания, следует отметить, что в таких преступлениях, умысел виновного направлен фактически не на злостное убийство, а на то, чтобы прекратить страдания потерпевшего. И именно этот мотив является смягчающим обстоятельством. Установив ответственность за такое преступление, должен доказываться факт просьбы (согласия) потерпевшего, что на практике будет достаточно трудно.

Противники включения в УК РФ самостоятельного состава за эвтаназию приводят следующие аргументы:

- установление в УК РФ в качестве отдельного состава этого преступления нецелесообразно, закон позволяет учитывать данное обстоятельство в качестве смягчающего при назначении наказания за убийство;
- спорно, если, например, смертельно больной попросил его убить с целью прекращения мучений;
- вопрос больше относится к области медицины, которая должна решить, до какой стадии оказывать помощь и осуществлять медицинское вмешательство, если оно безрезультатно;
- в России такое нельзя устанавливать при нынешней морали и социально-экономическом развитии и развитии медицины;
- в нашей стране, где даже медики готовы торговать человеком, его органами, такое нельзя делать [84, с. 55].

Представляется, что введение самостоятельного состава за убийство, совершенное с согласия потерпевшего, явилось бы решением вопроса об отношении законодателя к данному явлению, в котором много наносного и ложного.

Много споров в доктрине вызывает построение системы УК РФ, в котором посягательство на жизнь отдельного человека считается наиболее опасным преступлением по сравнению с посягательством на человечество, международное сообщество и общественную безопасность. По данному вопросу Э.Ф. Побегайло обратил внимание на необходимость перехода «от

доктрины индивидуализма и установления гарантий для отдельного индивида к доктрине общественной безопасности и обеспечения прав большинства населения, без чего невозможно гарантировать права каждого отдельного человека» [43, с. 40]. Иными словами, ученые предлагают на первое место в Особенной части УК РФ поставить преступления против мира и безопасности человечества и против общественной безопасности.

Б.В. Сидоров и А.Г. Бабичев считают, что предлагаемая ими перестройка системы УК РФ могла бы не только упростить решение вопросов квалификации преступлений, сопряженных с убийством по своей социально-правовой природе, но и показала бы, что законодатель в защите правоохраняемых интересов, расположение которых в ст. 2 УК РФ представляется не совсем удачным, предпочтение отдает общественному интересу, обществу, а не частному интересу, в том числе безопасности, жизни многих, которым угрожают некоторые виды преступлений, а не защите конкретной личности и ее жизни [84, с. 78].

Ученые считают, что на первом месте в структуре Особенной части УК РФ должны быть преступления против мира и безопасности человечества, так как именно эти преступления сопровождаются многочисленными жертвами, при этом теряется много жизней и причиняется иной часто невосполнимый вред жизни на Земле. У этих преступлений наиболее высокая общественная опасность. Человеческая жизнь – это высшая ценность, а преступления, сопровождаемые многочисленными жертвами, разумеется, представляют наибольшую общественную опасность, нежели единичные посягательства на жизнь конкретного человека. В связи с чем, на первом месте должны быть преступления против мира и безопасности человечества, а не преступления против личности [84, с. 80].

Действительно, согласно ч. 5 ст. 78 УК РФ, «к лицам, совершившим преступления против мира и безопасности человечества, предусмотренные статьями 353, 356, 357, и 358 настоящего Кодекса, сроки давности не применяются». Что это, если не вынужденное признание отечественным

законодателем уголовной международно-правовой нормы, свидетельствующей об особой опасности указанной группы преступлений?

Однако современная общественность по большей части считает правильным позицию законодателя, который определил убийство и некоторые другие посягательства на жизнь человека как наиболее опасные во всей системе преступлений, расположив их составы в самом начале Особенной части УК РФ.

Несмотря на то, что рассмотренные выше предложение заслуживает внимания, однако, необходимости вносить предлагаемые изменения в систему Особенной части УК РФ нет, поскольку убийства являются наиболее распространенными посягательствами на жизнь и лишней раз для основной массы населения законодатель подчеркивает, что жизнь человека является высшей ценностью. Потерпевшим от убийства является конкретное лицо, а жертвами против мира и безопасности человечества и общественной безопасности – неопределенные люди. Личность, жизнь конкретного человека, превыше всего, тем более что, преступления против мира и безопасности человечества и против общественной безопасности могут иметь своим последствием гибель людей, а могут не иметь. Ценность человеческой жизни не зависит от количественного признака. Надо учитывать и распространенность убийства по отношению к нижеперечисленным видам преступлений.

Что касается решения такого вопроса, как включение в некоторые составы преступлений (ст.ст. 209, 211, 212, 227, 278, 279, 360, 357 УК РФ) квалифицирующего признака «деяние сопровождалось убийством», то, действительно, это облегчило бы квалификацию, дифференциацию ответственности и индивидуализацию наказания, т.е. исключило бы необходимость квалификации и назначения наказания по совокупности преступлений, упростило бы квалификацию.

В то же время, в ч. 2 ст. 105 УК РФ предусмотрены квалифицирующие признаки, которые возможно было бы несколько расширить и более того,

законодатель определил уже, что убийство квалифицируется по совокупности с данными статьями УК РФ. В связи с чем, указывать этот квалифицирующий признак излишне, тем более что, в данном случае мы имеем разные объекты уголовно-правовой охраны.

Дискуссионный характер сделанного предложения, направленного, на совершенствование действующего уголовного законодательства и практики его применения, очевиден, как очевидны и доводы в обоснование той или иной позиции.

Таким образом, система Особенной части УК РФ в части системы преступлений против жизни нуждается в совершенствовании, для чего имеются достаточные основания. Предложения ученых становятся предметом научных дискуссий в среде юридической общественности, политических и общественных деятелей и способны реформировать систему уголовно-правового противодействия убийствам и другим преступлениям, связанным с посягательством на жизнь человека и безопасность личности.

1.2 Понятие и виды простого убийства

Состав простого убийства предусмотрен в ч. 1 ст. 105 УК РФ, который является так называемым основным составом данного вида преступлений [10, с. 74]. В той же части ст. 105 УК РФ сформулировано законодателем определение убийства как умышленного причинения смерти другому человеку.

Однако несмотря на легальное определение убийства, ученые не оставляют попыток сформулировать его доктринальное понятие.

В советский период развития науки уголовного права убийство понимали как умышленное причинение смерти другому человеку [105, с. 31].

С.В. Бородин убийство определял как «предусмотренное статьей Особенной части УК виновное деяние, посягающее на жизнь другого человека и причиняющее ему смерть» [10, с. 14]. Как можно заметить, отличием

приведенного определения убийства от легального, является указание на объект преступного посягательства, а именно на жизнь. Однако отсутствует такой признак убийства как его умышленный характер.

Б.В. Епифанов в своем определении убийства как раз объединяет указание на объект преступного посягательства и его умышленный характер - «умышленное деяние, посягающее на жизнь другого человека и причиняющее ему смерть» [19, с. 55].

В.И. Кузнецов предлагает следующее доктринальное определение убийства: «убийство – это общественно опасное, противоправное, умышленное причинение смерти другому человеку, когда оно не направлено одновременно на иное охраняемое уголовным законом общественное отношение» [31, с. 42]. Данное определение убийства позволяет ограничить убийство от других преступлений, посягающие на иные объекты уголовно-правовой охраны.

А.Г. Бабичев, Б.В. Сидоров предлагают легальное понятие убийства дополнить таким признаком, как «живой человек» и «живорожденный ребенок» [6, с. 5] и формулируют следующее определение, которое по их мнению нужно включить в ч. 1 ст. 105 УК РФ:

«Убийства, то есть умышленно совершенное особо общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом, направленное на лишение жизни другого живущего человека или новорожденного ребенка, причинившее смерть потерпевшему» [84, с. 44].

Из приведенных определений убийства, можно выделить следующие его признаки.

Во-первых, убийство посягает на такое ценное благо человека, как его жизнь, которое в случае утраты не может быть ни каким образом восполнено.

Человек является уникальным, бесценным в социальном и невозполнимым в биологическом смысле (в случае лишения его жизни) творением. Благодаря особым, присущим только ему физиологическим, психологическим и социальным характеристикам он нуждается в особой

экологической, социальной и правовой защите как уникальный организм (живое существо) и как социум (член общества, гражданин, личность). Особое место человека, как живого существа и личности, в иерархии ценностей живой природы и общества обусловлено тем, что он является участником общественных отношений и активным творцом сущего.

Государство должно защищать человека, его права и свободы, применять все средства воздействия на лиц, совершивших преступления против человека. Оно должно сурово карать прежде всего тех, кто лишает жизни других людей, посягает на основное благо человека, применять к ним самые строгие меры уголовно-правового воздействия.

Во-вторых, убийство осуществляется посредством причинения смерти человеку. Тем самым объективная сторона убийства определяет данное преступление как преступление с материальным составом. Иными словами, убийство окончено с момента наступления смерти потерпевшего или с момента «прекращения жизнедеятельности организма» человека. С объективной стороны, по словам С.В. Бородина, убийство есть «деяние, посягающее на жизнь другого человека и причиняющее ему смерть» [23, с. 8].

Однако, определение объективной стороны убийства как «причинение смерти» ученые считают не совсем удачным с точки зрения лингвистического толкования используемых терминов. Так убить, это означает лишить жизни [38, с. 330].

А.А. Пионтковский [39, с. 21], М.Д. Шаргородский [105, с. 194], Ф.Ф. Побегайло [93, с. 12] и некоторые другие отечественные ученые характеризовали преступное поведение убийцы как «лишение жизни» (другого) человека, что представляется сравнительно более удачным определением исследуемого понятия.

В-третьих, смерть причиняется другому человеку. Данный признак позволяет отграничить убийство от самоубийства и покушения на него, от доведения до самоубийства, а также от посредственного убийства, когда его

исполнителем или соисполнителем являлся сам потерпевший, которого заведомо склонили или принудили «покончить с собой».

В-четвертых, убийство имеет место быть только в отношении живого человека. В данном случае возникает вопрос относительно начального момента жизни человека и следовательно момента возникновения права на жизнь.

В диспозиции ст.106 УК РФ речь идет об убийстве новорожденного ребенка во время родов или сразу же после родов, из чего можно сделать вывод о том, что законодатель признает права на жизнь уже у новорожденного ребенка, «во время родов» [97, с. 295].

По мнению В.И. Мокринской, вопрос о моменте возникновения права на жизнь «не может быть решен лишь юридически, но должен решаться в свете комплексного анализа данного понятия как с юридической, так и с медицинской, онтологической точек зрения» [35, с. 10-11].

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 323-ФЗ) [102] в ч. 1 ст. 53 закрепил положение, согласно которому определяется момент рождения ребенка, а именно моментом отделения плода от организма матери посредством родов (ч. 1 ст. 53).

При этом право на жизнь человека возникает раньше возникновения новой жизни, поскольку зародившуюся во чреве матери жизнь будущего человека надо охранять, защищать, обезопасить, защищать одновременно жизнь и здоровье его будущей матери от посторонних посягательств, а жизнь будущего ребенка даже от посягательств последней.

К вопросу о том, как квалифицировать умерщвление плода во время родов: как убийство или как покушение на него (покушение на «негодный» объект), – юридическая общественность относится неоднозначно. Большая часть считает, что такие случаи следует оценивать как оконченное преступление – убийство. Во многом такой ответ продиктован наличием ст.

106 УК РФ, которая рассматривает как оконченное убийство «убийство матерью ребенка во время родов».

Вместе с тем встречаются и другие взгляды. Так, одни ученые считают необходимым законодательно определить момент возникновения жизни человека. При этом, в указанном случае речь должна идти о покушении на убийство, поскольку объектом убийства является жизнь человека, а до непосредственного рождения ребенка данный объект отсутствует. По мнению других, законодатель должен, руководствуясь медицинским критерием, определить как начальный момент жизни человека – момент, когда живородный плод отделился от матки роженицы и начал самостоятельное существование как живой организм. С этого момента умерщвление новорожденного ребенка должно будет квалифицироваться как убийство. Третьи полагают, что если признать началом жизни момент рождения ребенка, то с этого момента речь должна идти не о покушении на убийство, а об убийстве. При этом, если лишение жизни младенца происходит вне матки матери, то – это убийство, если внутриутробно – это аборт. Четвертые считают, что плод ребенка еще не есть человек. К тому же еще не известно: родится ли ребенок живым или мертвым. Поэтому правильная юридическая оценка указанного деяния весьма затруднительна. Пятые - исходя из положения, предусмотренного ст. 106 УК РФ, как правило, оценивают умерщвление живородного ребенка во время родов как убийство, признавая моментом начала жизни «момент начала физиологических родов» или «момент появления головки ребенка» [84, с. 32].

По большей части позиция по данному вопросу зависит не от того, является ли еще не родившийся («нарождающийся») ребенок надлежащим объектом убийства, то есть начавшим свое самостоятельное существование организмом и человеком, или нет, а от того, родится ли он живым или мертвым. При этом не видят разницы между убийством «новорожденного» ребенка «сразу же после родов» или несколько позднее и умерщвлением «нарождающегося» ребенка «во время родов». У законодателя во всех этих

случаях в качестве потерпевшего указывается «новорожденный ребенок». Здесь физиологические, психические и медицинские знания и тонкости, имеющие существенное значение для определения начала жизни человека, конечно, не были учтены.

Ошибочно в данном случае распространять положения, предусмотренные специальной нормой (ст. 106 УК РФ), на общую (ст. 105 ч. 1 УК РФ) и другие специальные нормы (ст. 105 ч. 2 и ст.ст. 107–108 УК РФ) относительно того, что считать началом жизни человека, потерпевшего от убийства.

Итак, потерпевшим от убийства может быть только живой человек, в том числе и ребенок, родившийся живым [84, с. 26].

В-пятых, убийство является умышленным причинением смерти другому человеку. Однако, как известно в доктрине предпринимались попытки определить убийство как противоправное, умышленное или неосторожное лишение жизни другого человека [20, с. 23].

Существующая формулировка ч. 1 ст. 105 УК РФ вполне приемлема. Законодатель правильно определил, что убийство – это умышленное причинение смерти другому человеку. Понятие «убийство» общество всегда связывало с чем-то умышленным. Размежевание убийства как умышленного деяния и неосторожного причинения смерти позволило определить в качестве сложного самостоятельного состава умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего по неосторожности (ч. 4 ст. 111 УК РФ), и помогает разграничить этот состав преступления с убийством (ст. 105 УК РФ) и причинением смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ).

Таким образом, убийство может быть совершено только умышленно, что позволяет его отграничить от других преступлений, посягающих на жизнь человека, которые как раз и могут быть совершены по неосторожности.

В-шестых, убийство является запрещенным уголовным законом под угрозой наказания противоправным причинением смерти.

Признаки противоправности в определении убийства включали такие авторы как А.А. Пионтковский [39, с. 21], В.П. Ревин, Р.А. Базаров [100, с. 14] и Э.Ф. Побегайло [93, с. 12]. Действительно, любое определение деяния в рамках уголовного закона уже благодаря этому предполагает его уголовную противоправность или запрещенность уголовным законом.

Признак противоправности позволяет отграничить убийство от правомерного лишения человека жизни, к примеру, при исполнении приговора о смертной казни, в ходе боевых действий и т.п., т.е. от всех видов неправомерного причинения смерти другому человеку, будь то правомерные, извинительные, или даже общественно-полезные поступки, и от всех других преступлений по вышеуказанным признакам.

Возражения же против включения в законодательное определение убийства таких признаков как его «особая общественная опасность» и «противоправность» (запрещенность уголовным законом) сводятся главным образом к тому, что эти признаки являются признаками любого преступления, указанными в ч. 1 ст. 14 УК РФ, и что по смыслу ст. 15 и ст. 105 УК РФ убийство законодатель относит к категории особо тяжких преступлений. Указанные признаки убийства раскрываются и в науке уголовного права, поэтому дополнять ч. 1 ст. 105 УК РФ указанием на них в определении этого преступления нет необходимости. Кроме того, об особой общественной опасности убийства говорит то обстоятельство, что Особенная часть УК РФ начинается со ст. 105 (убийство).

Следует поддержать позицию тех ученых, которые считают, что ч. 1 ст. 105 УК РФ нуждается в дополнении такими признаками, как «особая общественная опасность» и «противоправность» или, по крайней мере, оно могло бы внести большую ясность в определение убийства в уголовном законе в связи с тем, что:

- такое решение законодателя подчеркнет повышенную общественную опасность данного вида преступления и позволит обосновать применение наиболее строгого наказания за убийство;

- дополнительное указание названных признаков убийства окажет положительное влияние на правильную оценку этого вида преступления и подчеркнет особую значимость ст. 105 УК РФ;
- дополнительное указание этих признаков в уголовном законе лишним не будет;
- признак «противоправности» в ч. 1 ст. 105 УК РФ позволит отграничить убийство от «законного убийства» (например, исполнения приговора о смертной казни или от эвтаназии (при ее разрешении в России) [84, с. 39-40].

В-седьмых, убийство - это, прежде всего, лишение жизни или посягательство, результатом которого стала смерть, как конечный момент человеческой жизни. Именно причинение смерти другому лицу является основанием для наступления уголовной ответственности за оконченное преступление. Поэтому, к примеру, посягательство на жизнь человека, окончившееся тем, что он стал неизлечимо душевно больным или оказался прикованным к постели с подключением к нему аппарата, обеспечивающего ему поддержание живого существования без перспективы выздоровления, и в других подобных случаях следовало бы квалифицировать как убийство, а не как покушение на его совершение. Человека как такового при совершении таких посягательств по существу нет. Вместо него остается лишь живое или почти живое существо, которое не осознает себя и навсегда отключено от общества, от какого-либо сознательного творчества, ставшее обузой и обществу, и своим близким, быть может, сохранившее лишь мечту о желанной смерти и избавления себя от мук и душевных страданий, а близких – от обузы, которой он стал для них в результате совершенного на него преступного посягательства.

Таким образом, посягательство на жизнь нельзя характеризовать иначе, как покушение на убийство. Лишение жизни (причинение смерти) в таких случаях может означать лишь убийство, которое выходит за пределы состава посягательства на жизнь, если иное (лишение жизни) не рассматривается в

соответствующей уголовно-правовой норме как отягчающее ответственность обстоятельство [84, с. 43].

Т.Г. Понятовская справедливо считает, что видовым объектом преступлений, предусмотренных в гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья» УК РФ, выступает «физическая безопасность человека как необходимое условие его существования. Жизнь является предметным воплощением необходимого условия физического существования человека» [97, с. 25-26]. Многие авторы придерживаются сходной позиции [45, с. 140].

Таким образом, объектом убийства является жизнь человека как биологического существа.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в теоретическом аспекте под убийством следует понимать умышленное общественное опасное деяние, направленное на лишение жизни другого живого человека и повлекшее последствие в виде смерти потерпевшему.

В уголовно-правовой литературе выделяют различные виды убийств.

Так, А.Н. Попов все виды убийств классифицирует на «простое» убийство; убийство с отягчающими обстоятельствами; убийство со смягчающими обстоятельствами [46]. Таким же образом классифицирует убийства на виды и Г.Н. Борзенков (простое, квалифицированные и привилегированное) [8, с. 18].

Действительно, как уже отмечалось, состав простого убийства предусмотрен в ч. 1 ст. 105 УК РФ. Убийства с отягчающими обстоятельствами или квалифицированные виды убийств перечислены в ч. 2 ст. 105 УК РФ, к таковым относятся убийства: двух или более лиц (п. «а»); лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «б»); малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека (п. «в»); женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «г»); совершенное с особой жестокостью (п. «д»); совершенное общеопасным способом (п. «е»);

по мотиву кровной мести (п. «е1»); совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «ж»); из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом (п. «з»); из хулиганских побуждений (п. «и»); с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера (п. «к»); по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «л»); в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «м»).

К привилегированным убийствам или убийствам со смягчающими обстоятельствами относятся: убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), убийство при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108 УК РФ).

Таким образом, простым убийством является убийство без квалифицирующих или привилегирующих признаков, т.е. без отягчающих и смягчающих обстоятельств.

Следует заметить, что теория и практика простое убийство также разделяют на отдельные виды. Так, в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (далее – Постановление № 1) [50] перечислены следующие виды простого убийства: в ссоре или драке при отсутствии хулиганских побуждений, из ревности, по мотивам мести, зависти, неприязни, ненависти, возникшим на почве личных отношений).

В доктрине выделяют также такие виды простого убийства, как убийство: из мести, возникшей на почве личных отношений; из ревности; в драке или ссоре; и другие виды простого убийства. При этом, к другим видам

простого убийства относят убийства, которые не так часто встречаются в судебной практике, но также имеют место быть, это, к примеру:

- убийство, совершенное в связи с неправомерными действиями потерпевшего, исключая применение ч. 2 ст. 105, ст. 107 и ст. 10 УК РФ;
- убийство в результате неправомерного применения оружия, т.е. преждевременная оборона;
- убийство из трусости, т.е. ошибочное принятие потерпевшего за преступника;
- убийство в результате проведенного научного эксперимента или испытания;
- безмотивные убийства; убийства с согласия потерпевшего, из сострадания к потерпевшему [10, с. 75-87].

Проведенный в первой главе выпускной квалификационной работы анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, как объект уголовно-правовой охраны, понятие личность является собирательным и выступает в качестве межродового объекта, охватывая такие родовые объекты уголовно-правовой охраны, как жизнь и здоровье, свобода, честь, достоинство, половая неприкосновенность и половая свобода, конституционные права и свободы, интересы семьи и несовершеннолетних.

Важнейшей составляющей в структуре личности выступают жизнь и здоровье человека, в связи с чем, глава 16 УК РФ открывает как раздел VII, так и в целом Особенную часть УК РФ.

Система Особенной части УК РФ в части системы преступлений против жизни нуждается в совершенствовании.

Предложения ученых становятся предметом научных дискуссий в среде юридической общественности, политических и общественных деятелей и способны реформировать систему уголовно-правового противодействия

убийствам и другим преступлениям, связанным с посягательством на жизнь человека и безопасность личности.

Во-вторых, в теоретическом аспекте под убийством следует понимать умышленное общественное опасное деяние, направленное на лишение жизни другого живого человека и повлекшее последствие в виде смерти потерпевшему.

Состав простого убийства предусмотрен в ч. 1 ст. 105 УК РФ, который является так называемым основным составом данного вида преступлений.

Теория и практика простое убийство разделяют на отдельные виды, которые наиболее подробно данные виды простого убийства будут рассмотрены в следующей части настоящей выпускной квалификационной работы применительно к отдельным признакам состава простого убийства.

Глава 2 Уголовно-правовой анализ состава простого убийства

2.1 Объективные признаки состава простого убийства

В данной части исследования будут рассмотрены объективные признаки состава простого убийства.

Как известно, родовой объект преступлений определяется исходя из названия раздела УК РФ. Как уже было установлено в предыдущей части настоящей выпускной квалификационной работы, ст. 105 УК РФ расположена в разделе VII УК РФ, которая называется «Преступления против личности». Однако это не свидетельствует о том, что родовым объектом убийства является личность. В доктрине по данному поводу обращается внимание на то, что жизнь как природное благо принадлежит человеку как био-социальному существу [83, с. 152], который является основным структурным элементом общественных отношений [11, с. 116]. В.Н. Винокуров также подчеркивает тот момент, что под охраной уголовного закона находятся равно как уже полноценно сформировавшаяся личность, так и еще не являющиеся личностью новорожденные и лица, страдающие слабоумием, которые никогда ею не станут [11, с. 114].

Иными словами, как уже указывалось ранее в настоящей работе, необходимо разделять человека как социального субъекта и личность как отображение способностей человека. Как объект уголовно-правовой охраны, понятие личность является собирательным и выступает в качестве межродового объекта, охватывая такие родовые объекты уголовно-правовой охраны, как жизнь и здоровье, свобода, честь, достоинство, половая неприкосновенность и половая свобода, конституционные права и свободы, интересы семьи и несовершеннолетних [96, с. 18]. В связи с чем, родовым объектом убийства является человек.

Видовым объектом исследуемого состава преступления выступает «физическая безопасность человека как необходимое условие его

существования. Жизнь является предметным воплощением необходимого условия физического существования человека» [97, с. 25-26]. Многие авторы придерживаются сходной позиции [45, с. 140].

Непосредственным объектом убийства также является жизнь другого человека как биологического существа. Жизнь определяется как «процесс (состояние) физического существования человека как биологической единицы» [94, с. 222].

Признав жизнь как непосредственный объект состава простого убийства, на практике возникает вопрос квалификации действий лица, которые направлены на лишение жизни человека, находящегося в состоянии клинической или биологической смерти. В первом случае, т.е. в случае клинической смерти, ученые предлагают квалифицировать действия виновного как посягательство на жизнь живого человека. А в случае биологической смерти, но когда функции организма искусственно поддерживаются, то живой человек как объект уголовно-правовой охраны отсутствует.

Правильное решение данного вопроса зависит от понимания понятия «жизнь», его начало и конец.

Как уже не раз отмечалось в настоящей выпускной квалификационной работе, право на жизнь является неотъемлемым правом каждого человека. Оно гарантировано Конвенцией по правам человека [27], а на национальном уровне - основным нормативным правовым актом государства - конституцией. Но определение понятия «жизнь» представляется весьма размытым, в связи с чем возникает множество вопросов. Каков момент возникновения этого права - с рождения или раньше? Существует ли право на рождение? Можно ли использовать человеческие эмбрионы при проведении фундаментальных медицинских исследований?

Этот блок дискуссионных вопросов выявляет проблему определения правового статуса эмбриона человека, которым является организм с момента оплодотворения до рождения. До настоящего времени однозначной оценки

правовому положению эмбрионов не давалось ни в международных договорах, ни в нормативных актах национального права законодателем, ни в научной среде учеными-правоведами. Самый остро стоящий вопрос - определение этапа развития, с которого человеческий эмбрион находится под защитой и охраной закона и наделяется правом на жизнь.

Данная проблема представляется актуальной в связи с развитием новых медицинских технологий и процедур искусственного оплодотворения. Исследование этого вопроса в международной практике далеко не однозначно. Существует ряд международных договоров и нормативных правовых актов отдельных государств, в которых четко прослеживаются элементы правовой защиты эмбрионов в контексте реализации права на жизнь. К примеру, Декларация прав ребенка [17] признает равной защиты ребенка как до его рождения, так и после рождения, объясняя это физической и умственной незрелостью ребенка, что обосновывает его нуждаться в специальной охране и заботе.

В настоящее время распространенной процедурой является экстракорпоральное оплодотворение - вспомогательная репродуктивная технология, применяемая в случае бесплодия. Однако, несмотря на то, что нормы международного права закреплены нормы правовой защиты эмбрионов (ст. 18 Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины [28]), то в нашем российском законодательстве отсутствуют предпосылки конституционно-правовой защиты эмбрионов. При этом, в п. 2 ст. 17 Конституции РФ провозглашено, что основные права и свободы человека, в том числе и право на жизнь принадлежат каждому от рождения.

Ю.А. Дмитриев соглашается с тем, что человек обладает правом на жизнь с момента его рождения, который связывается с отделением плода от тела матери. В противном случае, по мнению ученого возникнет вопрос: какой именно момент брать за основу - зачатия, формирования организма, начала работы мозга или сердца? Кроме того, ребенок может родиться мертвым.

Поэтому, целесообразно возникновение правосубъектности связывать с фактом рождения живого ребенка [30, с. 144].

В.Д. Зорькин подчеркивает, что право на жизнь принадлежит каждому от рождения, но от определения критериев понятия «рождение» воздерживается [26, с. 11-12].

Если обратиться к нормам отраслевого законодательства, то можно увидеть, что под защитой государства находятся некоторые права еще не родившихся детей. К примеру, право на наследование (см. ст. 1116 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [15]), которое принадлежит на равных как детям зачатым естественным путем при жизни наследодателя, так и криоконсервированным эмбрионам, которые были получены при жизни наследодателя.

Кроме того, Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [103] предусматривает право детей, зачатых при жизни потерпевшего, на обеспечение по социальному страхованию.

В защиту еще не рожденных детей (хотя и не признавая за ними самостоятельный правовой статус) выступает и Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [21] (ст. 2). В частности, устанавливая перечень объектов трансплантации, закон исключает из их числа органы, их части и ткани, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани (яйцеклетку, сперму, яичники, яички или эмбрионы).

Федеральный закон № 323-ФЗ ограничивает возможность искусственного прерывания беременности по желанию женщины - до 12 недель, а по социальным показаниям - до 22 недель беременности.

При этом нельзя отрицать и того факта, что под охраной УК РФ находятся как рожденные дети, т.е. начало жизни связано с моментом физиологических родов, так и еще не рожденные, что следует из квалифицированного состава, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ

(убийство женщины заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности). Уголовно-правовая защита еще не родившихся детей косвенно предусмотрена и другими нормами УК РФ (п. б» ч. 2 ст. 110, п. «б» ч. 3, ч. 5 ст. 110.1, ч. 1 ст. 111 и др. ст. УК РФ).

Что касается конкретно исследуемого в рамках настоящей выпускной квалификационной работы простого состава убийство, то под объектом охраны находится рожденный ребенок. Поэтому, начало жизни связано с моментом физиологических родов.

Действительно, если рассмотреть практику, когда еще не родившийся ребенок погибает по вине медицинских работников, то речь ведут о вреде, причиненного женщине [81, с. 160].

Так, 6 декабря 2011 г. в Пятигорском роддоме в утробе матери умер ребенок. Больше четырех суток 25-летняя женщина терпела схватки. Абсолютно здоровый малыш задохнулся в утробе матери по причине банальной халатности медицинского персонала. Представители медицинской организации ссылались на отсутствие возможности проведения кесарева сечения ввиду занятости анестезиологов и нахождения их на других операциях [7]. Необходимо отметить, что занятость врачей не является адекватной причиной неоказания медицинской помощи роженице, и именно халатность и непрофессионализм медицинского персонала нередко приводят к подобным печальным последствиям.

В практике Европейского суда по правам человека право на жизнь связывают с момента зачатия [47], что, по словам Г.Б. Романовского, является первым шагом к расширению границ традиционного признания правосубъектности [81, с. 160].

Таким образом, на основе вышеизложенного можно утверждать, что предпосылки для правовой защиты эмбрионов действительно существуют в достаточном количестве в нашей стране. Изучив международные договоры можно прийти к выводу о наличии достаточного количества предпосылок для

правовой защиты эмбрионов, которые отражены в отраслевом законодательстве Российской Федерации.

В связи с изложенным, представляется уместным законодательно закрепить правовой статус эмбрионов в России посредством внесения изменений в преамбулу ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: «...закон устанавливает основные гарантии прав и законных интересов ребенка как до, так и после его рождения, которые предусмотрены Конституцией Российской Федерации, в целях создания правовых, социально-экономических условий для реализации прав и законных интересов ребенка».

Кроме начала жизни убийство тесно связано и с концом жизни, которое необходимо правильно определять при квалификации действий виновного как умышленное причинение смерти потерпевшему.

С медицинской точки зрения принято выделять клиническую и биологическую смерть. Первая связывается с остановкой сердца и в некоторых случаях она является обратимой, т.к., благодаря современным достижениям медицинской науки человека можно вернуть к жизни при помощи реанимационных мероприятий. В этой связи за точку отсчета при динамическом развитии медицинской науки и практики берется церебральная смерть, когда умирает головной мозг, однако внешние функции организма могут поддерживаться достаточно долго при полном отсутствии оптимистического прогноза.

При констатации смерти головного мозга фактически реанимационные мероприятия проводятся над трупом [22, с. 85]. Важным в этой связи представляется вопрос о моменте их окончания.

Вопросу нормативного регулирования определения смерти человека в Российской Федерации уделено пристальное внимание как на законодательном (ст. 9 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека», ст. 66 Федерального закона № 323-ФЗ), так и на подзаконном уровне (далее – Правила) [51]. Так, смерть мозга человека, согласно Приказу

Минздрава [78], наступает при полном и необратимом прекращении всех функций головного мозга, регистрируемом при работающем сердце и искусственной вентиляции легких. Момент смерти мозга человека является моментом смерти человека.

Таким образом, момент смерти в медицинском смысле достаточно четко и однозначно привязан к моменту смерти мозга с регламентацией в Правилах исчерпывающего перечня критериев установления таковой. Регистрация отсутствия самостоятельного дыхания не допускается простым отключением от аппарата искусственной вентиляции легких. Однако в части правовой регламентации процедуры констатации смерти, что представляется наиболее важным с позиций уголовно-правовой охраны права на жизнь, положения, содержащиеся в Правилах, не совершенны.

Так, Правила просто дублируют предписания ст. 66 Федерального закона № 323-ФЗ, тогда как необходимо более детально регламентировать процесс умирания, выделяя следующие его стадии: агонию, клиническую смерть, смерть мозга, биологическую смерть. Агония рассматривается как прогрессирующее угасание внешних признаков жизнедеятельности организма (сознания, кровообращения, дыхания, двигательной активности), клиническая смерть характеризуется остановкой дыхания, прекращением сердцебиения, остановкой пульса, понижением температуры тела. Смерть мозга характеризуется полным и необратимым прекращением всех функций головного мозга, регистрируемых при работающем сердце и искусственной вентиляции легких, которая, как уже было отмечено, приравнивается к биологической смерти. Кроме того, важно определить такой признак биологической смерти, как посмертные изменения во всех органах и системах, которые носят постоянный, необратимый, трупный характер.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что смерть – это полное и необратимое прекращение деятельности коры головного мозга, обусловленное гибелью его клеток и констатируемое комплексом выработанных современной медициной средств и способов, с очевидностью и

несомненностью доказывающих ее наступление. Документально факт смерти фиксируется в протоколе установления смерти мозга, который является процессуальным основанием прекращения оказания медицинской помощи.

Диагноз смерти мозга человека устанавливается консилиумом врачей в медицинской организации, в которой находится пациент. Консилиум врачей созывается лечащим врачом. В его состав включаются врач - анестезиолог-реаниматолог и врач-невролог, имеющие опыт работы по специальности не менее чем пять лет [58, с. 49]. Жизнь новорожденного ребенка охраняется так же, как жизнь старца или безнадежно больного человека. Главное – чтобы это была жизнь другого человека. Поскольку законодательство России считает эвтаназию абсолютно недопустимой, она приравнивается к убийству, совершенному без отягчающих и смягчающих ответственность обстоятельств (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Даже врач при обстоятельствах, когда безнадежно больные, испытывающие непереносимые муки, просят его ввести им смертельную инъекцию, прекратить применение мер искусственного поддержания жизни и т.п., не вправе лишить жизни таких пациентов, поскольку это противоречит не только закону, но и нравственным основам профессии медика. Наше законодательство запрещает лишать жизни и безнадежно больных и умалишенных, и детей с тяжелейшими врожденными уродствами при отсутствии шанса на выздоровление, и престарелых или инвалидов, лишенных возможности заботиться о себе, по их просьбе.

Если объектом убийства является жизнь человека, то потерпевший от этого преступления – человек живущий, от новорожденного и живого до биологической смерти любого человека. Потерпевшим является именно другой человек.

Равная в основе охрана уголовным законом жизни каждого человека не означает, что законодателя не интересуют личность и поведение или деятельность потерпевшего. В уголовном праве одним из важнейших элементов состава преступления, а в составе убийства в особенности, для определения квалификации, дифференциации уголовной ответственности и

законодательной индивидуализации наказания за содеянное является установление того, против кого преступление было направлено. Учет виктимологических признаков убийства есть проявление принципа справедливости в уголовном праве [84, с. 98-99]. Особая роль виктимологических признаков жертвы проявляется в составах убийства, совершаемого при определенных отягчающих и смягчающих ответственность обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 и ст.ст. 106-108 УК РФ).

Для вменения состава простого убийства достаточно установить тот факт, что потерпевшим был другой живой человек. Однако, если будет установлено, что убийство совершено из неприязненных отношений, вызванных поведением потерпевшего, выражающего, к примеру, намерение вступить в интимные отношения с подсудимой вопреки ее желанию, суд такие неправомерные действия потерпевшего признает смягчающим наказание подсудимой обстоятельством, предусмотренным п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ [74].

Ученые, рассматривая такой вид простого убийства как убийство из сострадания в качестве непосредственного объекта также указывают жизнь потерпевшего, который однако характеризуется определенными признаками, в числе которых: неизлечимая болезнь или иным образом обреченный на смерть, беспомощное состояние, испытывающий непереносимые страдания, муки [16, с. 52-55; 3, с. 143], неспособен убить себя сам безболезненным способом [24, с. 33], добровольно и осознанно попросил прекратить его страдания посредством лишения его жизни [14, с. 25].

Следующим признаком объективным признаком состава простого убийства, является его объективная сторона, которая заключается в общественно опасном и противоправном лишении жизни другого человека, т.е. в умышленных действиях или бездействиях, направленных на причинение смерти другому человеку.

Иными словами, объективная сторона состава простого убийства состоит из:

- деяние (действие или бездействие) в виде причинения смерти потерпевшему;
- последствие в виде наступления смерти потерпевшего;
- причинная связь между совершенным деянием и наступившим последствием в виде смерти потерпевшего.

Деяние, направленное на причинение смерти потерпевшему, может быть совершено как путем действия, так и бездействия.

Смерть может быть причинена посредством оказания механического, химического, психического или физического воздействия. Кроме того, причинение смерти посредством активного действия может быть осуществлено с помощью использования малолетних, невменяемых лиц, собак и других животных. В данном случае речь идет о посредственном исполнении [84, с. 105-106].

Например, Скворцов взял нож в правую руку, после чего прошел в комнату, где находился потерпевший и нанес последнему ножом один удар в область расположения жизненно-важных органов человека - грудную клетку. Видя, что потерпевший упал на пол и потерял сознание, понимая, что он достиг преступного результата и от его действий неизбежно наступит смерть потерпевшего, Скворцов свои преступные действия прекратил [59].

В другом случае, убийство было совершено посредством обхвата шеи потерпевшей в локтевой хват, и сильным сдавливанием органов шеи потерпевшей, указанным способом, перекрывая доступ кислорода в легкие последней, вызывая тем самым состояние механической асфиксии. Вследствие вышеуказанных преступных действий потерпевшая скончалась в результате механической асфиксии, развившейся вследствие сдавления органов шеи [60].

Путем бездействия убийство может иметь место только в случаях, когда виновный:

- имел возможность или должен был предупредить наступление смерти;

- мог или должен был предвидеть наступление последствий в виде смерти [106, с. 99-100].

Состав убийства является материальным, так как предполагает обязательное наступление последствий в виде наступления смерти. При этом не имеет значения для квалификации момент наступления смерти.

Так, 9 февраля 2019 г. А.А. Костоусова, находясь в состоянии алкогольного опьянения в ходе ссоры, возникшей на почве личных неприязненных отношений, действуя с целью убийства А.С.Ю., умышленно нанесла ему не менее одного удара ножом в область передней поверхности грудной клетки, причинив потерпевшему телесное повреждение в виде одного проникающего колото-резаного ранения грудной клетки слева с ранением мягких тканей груди, сердечной сорочки и сердца, квалифицирующееся как тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. Смерть А.С.Ю. наступила 10 февраля 2019 года в ГБУЗ СО «Городская больница город Каменск-Уральский» от одного проникающего колото-резаного ранения грудной клетки слева с ранениями мягких тканей груди, сердечной сорочки и правого желудочка сердца, что и обусловило наступление смерти. Данные действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 105 УК РФ. При этом суд отметил, что тот факт, что смерть потерпевшего наступила не сразу на месте происшествия, а спустя несколько часов в больницу, какого-либо юридического значения не имеет и не является основанием для переквалификации действий подсудимой на ч. 4 ст. 111 УК РФ [74].

Если же в результате действий виновного смерть не наступила, то в зависимости от обстоятельств, ответственность наступает как за неоконченное преступление или за конкретно наступившие последствия в случае отсутствия умысла на убийство.

Поэтому, посягательство на жизнь человека, окончившееся тем, что он стал неизлечимо душевно больным или оказался прикованным к постели с подключением к нему аппарата, обеспечивающего ему поддержание живого существования без перспективы выздоровления, и в других подобных случаях

следовало бы квалифицировать как убийство, а не как покушение на его совершение. Человека как такового при совершении таких посягательств по существу нет. Вместо него остается лишь живое или почти живое существо, которое не осознает себя и навсегда отключено от общества, от какого-либо сознательного творчества, ставшее обузой и обществу, и своим близким, быть может, сохранившее лишь мечту о желанной смерти и избавления себя от мук и душевных страданий, а близких – от обузы, которой он стал для них в результате совершенного на него преступного посягательства.

Кроме того, для квалификации действий виновного как умышленное причинение смерти потерпевшему, необходимо установление причинной связи между действием и наступившими последствиями.

Так, А.П. Платонов с целью причинения смерти Л.В. Прохоровой нанес последней один удар ножом, причинив Прохоровой слепое колото-резаное ранение груди, проникающее в брюшную и правую плевральные полости, с повреждением левой доли печени и куполов диафрагмы, осложнившееся развитием обильной кровопотери, в результате чего около 03 часов 40 минут в машине скорой медицинской помощи по пути следования в ГБУЗ СО Красноярская ЦРБ наступила смерть Прохоровой.

Судом было установлено, что смерть Прохоровой последовала от слепого колото-резаного ранения груди, проникающего в брюшную и правую плевральную полости, с повреждениями левой доли печени и куполов диафрагмы, осложнившегося развитием обильной кровопотери.

При наличии слепого колото-резаного ранения груди, проникающего в брюшную и правую плевральную полости, с повреждениями левой доли печени и куполов диафрагмы не исключается возможность совершения каких-либо действий, объем и продолжительность которых зависят от индивидуальной переносимости травмы.

Кровоподтеки не ограничивают способности совершения каких-либо действий.

Слепое колото-резаное ранение груди, проникающие в брюшную и правую плевральную полости, с повреждением левой доли печени и куполов диафрагмы, осложнившееся развитием обильной кровопотери, в соответствии с пп. 6.2.3 «Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» [79], являлось опасным для жизни, и, следовательно, имеет признак тяжкого вреда, причиненного здоровью.

На основании изложенного было установлено смерть Прохоровой находится в прямой причинно-следственной связи с этим ранением [68].

Что касается других признаков объективной стороны, то надо обратиться к ст. 61, 63 УК РФ, так как указанные здесь обстоятельства имеют уголовно-правовое значение. Например, п. «д» («совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств»), п. «е» («совершение преступления в результате физического или психического принуждения в силу материальной служебной или иной зависимости»), п. «з» («противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления») ст. 61 УК РФ.

Также надо отметить п. «л» ст. 63 УК РФ («совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках»). Указанные обстоятельства, не влияя на квалификацию совершенного убийства, могут быть учтены судом при назначении наказания лицу, виновному в его совершении.

Таким образом, видовым и непосредственным объектами состава простого убийства является жизнь другого человека как биологического существа. Моментом начала жизни в уголовном праве признается момент физиологических родов, а моментом окончания - момент смерти мозга.

Объективная сторона состава простого убийства состоит из:

- деяние (действие или бездействие) в виде причинения смерти потерпевшему;
- последствие в виде наступления смерти потерпевшего;

- причинная связь между совершенным деянием и наступившим последствием в виде смерти потерпевшего.

2.2 Субъективные признаки состава простого убийства

Субъективные признаки состава простого убийства включают рассмотрение субъекта преступления и субъективной стороны данного преступления.

Субъект убийства характеризуется такими признаками, как физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет.

Итак, первым признаком субъекта любого преступления и в том числе, убийства, является то, что таковым может быть только физическое лицо. Юридическое лицо по уголовному законодательству Российской Федерации не может являться субъектом никакого преступления. При этом, субъектом состава простого убийства может быть, как гражданин Российской Федерации, так и иностранный гражданин или лицо без гражданства, которые в соответствии с ч. 3 ст. 12 УК РФ, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации в случаях, если преступление направлено против интересов гражданина Российской Федерации.

Обязательным признаком субъекта убийства является его вменяемость. В ч. 1 ст. 20 УК РФ сформулировано понятие невменяемости как состояние, при котором лицо не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики. Такие лица не являются субъектом преступления.

Практически по каждому уголовному делу, связанному с убийством проводятся судебно-психиатрические экспертизы на предмет вменяемости виновного.

Так, по одному уголовному делу при установлении субъекта преступления была проведена судебно-психиатрическая экспертиза, установившая, что у М.Г. Митрошенко на момент экспертного исследования не было хронического и временного расстройства, слабоумия, либо иного болезненного состояния психики, исключающих вменяемость, и не отмечалось таковых в момент совершения инкриминируемого деяния. Это подтверждено было анамнестическими сведениями, материалами дела и результатами клинического психиатрического обследования, свидетельствующими о том, что он с раннего детства рос и развивался без особенностей, на протяжении своей жизни не проявлял признаков какого-либо психического и поведенческого расстройства, никогда не обращался за психиатрической помощью, адаптирован в жизни, имеет семью и круг общения с налаженными межличностными отношениями, а в момент совершения инкриминируемого ему деяния он находился в состоянии простого (непаталогического) алкогольного опьянения, что подтверждается фактом употребления алкоголя, у него были выражены внешние признаки и субъективные ощущения алкогольного опьянения, его действия носили последовательный и целенаправленный характер, он не терял реального контакта с окружающей действительностью и реагировал на изменения ситуации, а в настоящее время помнит содеянное и критически его оценивает. Экспертный анализ материалов уголовного дела и результатов обследования свидетельствовал о том, что М.Г. Митрошенко в момент совершения инкриминируемого деяния мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. По своему психическому состоянию М.Г. Митрошенко может правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них показания, понимать характер и значение уголовного судопроизводства и своего процессуального положения, а также обладает способностью к самостоятельному совершению действий, направленных на реализацию

указанных прав и обязанностей, в связи с чем, может предстать перед следствием и судом [64].

По другому делу, несмотря на то, что у обвиняемого были выявлены клинические признаки резидуально-органического поражения головного мозга с легкими когнитивными нарушениями, а в связи с органическим поражением головного мозга с психическим инфантилизмом наблюдался в психоневрологическом диспансере в 2004-2005 годах, по поводу чего ему оказывалась психиатрическая помощь, однако согласно проведенной психиатрической экспертизы последний осознавал фактический характер и опасность своих действий, руководил ими, правильно воспринимал обстоятельства, имеющие значение для дела.

Оценивая вышеизложенное, а также данные о его личности, поведение его после совершения преступления, во время предварительного расследования и судебного разбирательства, когда подсудимый, осознавая и в полном мере используя свое право на защиту, подробно воспроизводил и давал оценку своим противоправным действиям по отношению к потерпевшему, учитывая его возраст, наличие у него средне-специального образования, суд посчитал достаточным для признания подсудимого вменяемым и способным нести уголовную ответственность за содеянное.

Кроме того, подсудимый наблюдался в психоневрологическом диспансере в связи с наличием психического расстройства – органическое поражение головного мозга с психическим инфантилизмом, где психиатрическая помощь оказывалась в форме диспансерного наблюдения, согласно заключению комплексной судебной психолого-психиатрической комиссии экспертов он в полной мере понимает характер и значение уголовного судопроизводства и своего процессуального положения, по своему психическому состоянию не представляет социальной опасности, у него нет психического расстройства, связанного с опасностью для себя, других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда, следовательно по своему психическому состоянию способен правильно

воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них показания. На основании данного заключения суд признал подсудимого вменяемым, подлежащим уголовной ответственности [63].

Интересен такой пример из судебной практики, когда заключением судебно-психиатрических экспертов было установлено, что Е.В. Копцев каким-либо хроническим психическим расстройством или слабоумием не страдает и не страдал ранее. Однако в период инкриминируемого ему деяния он обнаруживал признаки пролонгированной депрессивной реакции, обусловленной расстройством адаптации. Данные изменения психической деятельности, не исключали вменяемость Е.В. Копцева, ограничивали его способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими в период времени, относящийся к совершению инкриминируемого ему деяния (ст. 22 УК РФ).

По своему психическому состоянию подсудимый может осознавать фактический характер своих действий и руководить ими, правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела и давать о них показания, участвовать в проведении судебно-следственных действий. Кроме того, Е.В. Копцев в момент совершения преступления в состоянии аффекта или ином выраженном эмоциональном состоянии (возбуждения, напряжения), которое оказывало существенное влияние на его сознание и поведение не находился, так как исходя из психологического анализа материалов уголовного дела и результатов клинико-психологического исследования, его эмоциональное состояние не достигло степени выраженности - аффекта (или иного выраженного эмоционального состояния), а квалифицированные признаки второй фазы (аффективного взрыва) и третьей фазы (постаффективного истощения) состояния у него не диагностированы. Однако сложившиеся эмоционально-напряженные отношения с женой, длительность субъективно-психотравмирующей ситуации (фрустрации) привело к снижению личностных ресурсов в разрешении внутрисемейной конфликтной ситуации, расширению круга аффектогенных стимулов,

повышенной чувствительности к повторным фрустрирующим воздействиям и снижению волевого контроля над своим поведением, что облегчило возникновение агрессивных побуждений и их импульсивную реализацию с одновременным снижением прогноза возможных последствий своих поступков, то есть оказывало существенное влияние на его поведение, контроль и руководство своими действиями. В связи с изложенным, эксперты рекомендовали Е.В. Копцеву принудительное наблюдение и лечение у психиатра в амбулаторных условиях.

Оценив данные заключения в совокупности с другими исследованными доказательствами, суд подсудимого Е.В. Копцева, с учетом его поведения в ходе предварительного следствия и в суде, признал виновным и подлежащим уголовной ответственности за содеянное.

Умышленные действия Е.В. Копцева, который 14 сентября 2018 года сдавил веревкой шею потерпевшей и этими действиями причинил последней смерть, суд квалифицировал по ч. 1 ст. 105 УК РФ, как убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку [73].

При более подробном рассмотрении данных признаков субъекта простого убийства, следует заметить, что ч. 2 ст. 20 УК РФ установлен пониженный возраст уголовной ответственности для лиц, совершивших убийство. Объясняется это тем, что убийства являются преступлениями высокой степени общественной опасности, а непосредственно состав простого убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ) относится к тяжким преступлениям (ч. 4 ст. 15 УК РФ). Дифференцируя возможность наступления уголовной ответственности за убийство, совершенное несовершеннолетним лицом, не достигшим к моменту совершения преступления возраста 14 лет, законодатель исходил из того, что общественная опасность убийства вполне понятна и доступна для понимания ребенком в этом возрасте. Кроме того, установление ответственности за убийства с 14 лет связано с относительной их распространенностью в подростковом возрасте и составляют не малую долю в преступности несовершеннолетних [93, с. 328].

Кроме календарного возраста, действующий УК РФ в ч. 3 ст. 20 помимо невменяемых не признает субъектом несовершеннолетних, достигших установленного уголовным законом возраста, но имеющих отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством. В этом случае определяющее значение имеет несоответствие фактически достигнутого паспортного возраста уровню психического развития, что не позволяет лицу во время совершения общественно опасного деяния в полной мере осознавать фактический характер своих действий (бездействия) [36, с. 118].

Следует обратить внимание на то, что в доктрине обсуждается вопрос относительно субъекта убийства, совершенного из сострадания, т.е. эвтанази. Некоторые ученые полагают, что субъект такого вида простого убийства – специальный, так как совершить его могут медицинские или социальные работники [2, с. 153; 87, с. 104]. Однако автор настоящей работы придерживается позиции М.А. Горбатовой и Н.И. Щипанова, которые считают, что субъект убийства из сострадания – общий, т.е. им может являться любое вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности за данный вид преступления. Свое мнение ученые подтверждают примерами из судебной практики, где можно увидеть, что часто данный вид простого убийства совершают родственники потерпевшего [14, с. 25].

Особое внимание в данной части настоящего исследования следует уделить субъективной стороне состава простого убийства.

Часть 1 ст. 105 УК РФ определяет убийство только как «умышленное причинение смерти другому человеку». Иными словами, простое убийство может быть совершено как с прямым, так и косвенным умыслом, когда лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, не желает, но сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично (ч. 3 ст. 25 УК РФ).

При прямом умысле виновный понимает, что совершаемые им преступные действия или бездействия в отношении потерпевшего приведут к наступлению смерти. Волевой момент прямого умысла характеризует желание виновного лишить потерпевшего жизни.

О прямом умысле на убийство обычно свидетельствуют данные, о количестве, характере, локализации и степени тяжести телесных повреждений причиненных потерпевшему.

Например, нанося множественные удары ножом в область расположения жизненно важных органов – сердца, легкого, подсудимый Студенихин не мог не предвидеть наступление последствий в виде смерти потерпевшего. Количество ножевых ранений и их локализация свидетельствуют о наличии прямого умысла на совершение убийства.

С учетом установленной совокупности обстоятельств, суд пришел к выводу о том, что действия подсудимого носили умышленный характер, и он предвидел неизбежность смерти потерпевшего, что свидетельствует о наличии умысла именно на убийство. Доводы подсудимого о том, что он не хотел убивать потерпевшего, нож взял только с целью напугать потерпевшего, полностью опровергнуты как установленными действиями самого подсудимого, так и показаниями свидетелей. Судом было установлено, что после того как свидетель вывела потерпевшего из квартиры в подъезд, потерпевший не представлял для Студенихина никакой угрозы. В то же время подсудимый Студенихин, взяв на кухне нож, выбежал в подъезд, где сразу стал наносить удары потерпевшему, даже не пытаясь поговорить с потерпевшим и разрешить конфликт без применения насилия [66].

Что касается косвенного умысла, то интересен пример из практики.

Так, С.В. Колупаев, употребив водку, испытывая эмоциональное напряжение и чувство страха на почве предшествовавшего конфликта, взял нож. Столкнувшись в коридоре с потерпевшим, С.В. Колупаев ударил его два раза ножом в живот - жизненно важный орган человека. Когда потерпевший стал падать, нанес ему еще несколько ударов ножом в различные части тела.

Совокупность исследованных доказательств позволила суду сделать вывод о направленности умысла С.В. Колупаева на убийство потерпевшего, который был направлен на лишение его жизни.

Тот факт, что С.В. Колупаев не желал наступления указанных последствий, свидетельствует о том, что по волевому компоненту его умысел является косвенным, «при котором виновный предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, не желает, но сознательно допускает эти последствия, либо относится к ним безразлично» [61].

При этом важно заметить, что покушение на убийство всегда совершается только с прямым умыслом (п. 2 Постановления № 1), так как, не желая достигнуть определенного результата, лицо не может и покушаться на его достижение [52]. Иными словами, если виновный выполнил все действия, направленные на лишение жизни потерпевшего, в результате которых смерть не наступила ввиду активного сопротивления жертвы или вмешательства других лиц либо оказания своевременной медицинской помощи [4].

Формально прямой и косвенный умысел при убийстве близки или совпадают по интеллектуальному моменту. Различие между прямым и косвенным умыслом заключается в его волевом моменте. При прямом умысле виновный желает наступления смерти другого лица, а при косвенном – только лишь предвидит такие последствия как возможные.

Не влияет на квалификацию убийства момент формирования умысла [8, с. 32].

В абз. 2 п. 1 Постановления № 1 указано на необходимость установления не только формы вины, но и выяснения мотивов, цели и способов причинения смерти потерпевшему. При этом, как верно подчеркивает С.В. Бородин, мотивы совершения простого убийства для квалификации не имеют самостоятельного значения [10, с. 74].

В теории уголовного права под мотивом, являющимся факультативным признаком субъективной стороны состава преступления, понимают побуждение, либо осознанное побуждение, сыгравшее решающую роль в

выборе того или иного варианта поведения и вызывающее решимость лица совершить преступление [95, с. 114-115; 98, с. 101]. Важно также учитывать то, что мотив определяет поведение лица в соотношении с целью, т.е. с тем результатом, к достижению которого оно стремится. Отличаются мотив и цель тем, что первый определяет зачем человек совершает то или иное действие, а второе – направление его деятельности [12, с. 5].

В ч. 2 ст. 105 УК РФ указаны такие мотивы, как корысть, хулиганские побуждения, кровная месть и др. При отсутствии этих мотивов и других обстоятельств, отягчающих убийство, применяется ч. 1 ст. 105 УК РФ. Подобный подход к квалификации убийства не означает, что содеянное в рамках ч. 1 ст. 105 УК РФ лишено собственных мотивов преступного поведения. Речь идет о том, что в ч. 2 ст. 105 УК РФ указание на мотив преступления свидетельствует о посягательстве на дополнительный объект уголовно-правовой охраны, что в целом повышает общественную опасность преступления. Если же речь идет о преступлении, квалифицируемом по ч. 1 ст. 105 УК РФ, то здесь мотивы обусловлены чаще всего личностными факторами, которые часто связаны с поведением потерпевшего.

Так, между Егоровым и потерпевшим произошла ссора, спровоцированная последним, в ходе которой ФИО1 нанес ему удары руками по лицу и телу. Это подтверждено было показаниями ФИО о том, что когда ее отец вернулся из туалета, куда уходил курить вместе с ФИО1, у него была разбита губа. До того, как он ушел, данного повреждения у него не было. После этого в руках у Егорова появился нож. В этот момент ФИО1, вскочив из-за стола, убежал в коридор, где вскоре умер у нее на руках. Согласно заключению эксперта, у Егорова были обнаружены повреждения в виде ссадины на тыльной поверхности левого лучезапястного сустава, левой кисти, 3-4 пальцев левой кисти, кровоподтек на верхней губе, распространяющийся на кайму губы, ссадины на фоне кровоподтека на нижней губе слева. Согласно выводам суда, данное заключение эксперта подтверждает показания Егорова А.Г. о том, что потерпевший наносил ему удары руками по лицу и телу.

Противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для совершения преступления, в соответствии с п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ является обстоятельством, смягчающим наказание, а потому в силу ч. 3 ст. 60 УК РФ суд учел при назначении наказания [55].

В п. 4 Постановления № 1 приведены мотивы, по которым может быть совершено простое убийство, это - ссора или драка, ревность, месть, зависть, неприязнь, ненависть, возникшие на почве личных отношений. Кроме того в доктрине выделяют и другие виды мотивов совершения простого убийства (трусость, сострадание и др. [10, с. 75-87]).

Наиболее распространенным видом простого убийства является убийство в ссоре или в драке. При этом ссора или драка являются лишь поводом обострения отношений между виновным и потерпевшим, не исключая наличия мотивов или других обстоятельств, расценивающих совершенное как в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения или с превышением пределов необходимой обороны, либо по неосторожности. При наличии признаков внезапно возникшего сильного душевного волнения, превышения пределов необходимой обороны или неосторожности такие действия должны квалифицироваться по соответствующим статья УК РФ (107, 108 или 109) [10, с. 81].

Кроме того, при убийстве в драке или ссоре могут быть установлены и другие мотивы.

Так, Рыскин, будучи в состоянии алкогольного опьянения, распивал спиртные напитки, вместе со своим знакомым ФИО2, который так же находился в состоянии алкогольного опьянения. В это время между Рыскиным и ФИО2 произошла ссора, переросшая в драку. В ходе драки у Рыскина, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений к ФИО2, возник преступный умысел направленный на убийство ФИО2 [62].

Субъективная сторона убийства, совершенного в драке или ссоре характеризуется отсутствием заранее обдуманного умысла на лишение жизни

кого-либо из дерущихся. В данном случае умысел неконкретизирован. Как виновный, так и потерпевший действуют неправомерно, прибегнув к незаконному способу разрешения возникшего между ними конфликта. Это обстоятельство является одной из причин, по которой законодатель отнес убийство в драке к убийству без отягчающих обстоятельств.

Например, между Митрошенко с одной стороны и ФИО11, ФИО4 с другой стороны, возникла ссора на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений, в ходе которой у Митрошенко возник преступный умысел, направленный на убийство ФИО11. В связи с тем, что между ФИО10, Митрошенко с одной стороны и ФИО11, ФИО4 с другой стороны, возникла ссора, вышеуказанные лица вышли на улицу из культурно-развлекательного комплекса, где возле указанного здания, в период времени с 5 часов 25 минут до 5 часов 42 минут, между ними продолжилась ссора, которая переросла в обоюдную драку.

Реализуя свой внезапно возникший преступный умысел, направленный на убийство ФИО11, Митрошенк, осознавая общественную опасность и преступный характер своих действий, действуя умышленно, с силой нанес множественные удары, не менее восьми, руками по голове, туловищу и конечностям ФИО11, после чего достал находящийся при себе нож и, с целью убийства, нанес им не менее трех ударов ФИО11.

В результате умышленных преступных действий Митрошенко потерпевшему ФИО11 были причинены телесные повреждения, находящиеся в прямой причинно-следственной связи с наступлением смерти ФИО11 [64].

Распространенным мотивом совершения простого убийства, является ревность.

Ревность как мотив убийства в науке уголовного права расценивают как пережиток прошлого [1, с. 122], не являющаяся сама по себе низменным побуждением [44, с. 127], но представляющая собой низменное эгоистическое чувство [10, с. 80].

При квалификации действий виновного, совершившего убийство из ревности важно учитывать и действия потерпевшего. Зачастую рассматриваемый вид простого убийства совершается на почве эротической ревности, поводом для которого может служить реальная или мнимая измена, отказ от продолжения сожительства

Так, с апреля 2018 года у Копцева с супругой постоянно происходили конфликты. Днем 13 сентября 2018 года он увидел, что его жена уехала на автомобиле с другим мужчиной. В этот же день около 21 часа после возвращения супруги домой, между ними вновь произошла ссора, в ходе которой она оскорбляла его и заявила, что в ближайшее время подаст на развод. После нескольких безуспешных попыток примириться, ночью с 13 на 14 сентября 2018 года он находясь в комнате жены не выдержал, и испытывая к ней неприязненные отношения, схватил ее за горло и начал душить, а когда она вырвалась, взял на кухне нож и нанес им в коридоре в темноте несколько ударов в область ее туловища, отчего у последней пошла кровь и она сползла на пол. Затем, он перетащил ее в зал, где с помощью веревки задушил. Также подсудимый указал, что он по телефону сообщил в службу спасения, что убил свою жену, вызвал скорую помощь и пытался остановить у супруги кровь. В дальнейшем он добровольно открыл дверь сотрудникам полиции и заявил, что убил свою жену.

Судебной экспертизой было установлено, что сложившиеся эмоционально-напряженные отношения с женой, длительность субъективно-психотравмирующей ситуации (фрустрации) привело к снижению личностных ресурсов в разрешении внутрисемейной конфликтной ситуации, расширению круга аффектогенных стимулов, повышенной чувствительности к повторным фрустрирующим воздействиям и снижению волевого контроля над своим поведением, что облегчило возникновение агрессивных побуждений и их импульсивную реализацию с одновременным снижением прогноза возможных последствий своих поступков, то есть оказывало

существенное влияние на его поведение, контроль и руководство своими действиями.

Умышленные действия Копцева при указанных обстоятельствах суд квалифицировал по ч. 1 ст. 105 УК РФ [73].

В другом случае, Л., в период времени с 12 часов 30 минут до 12 часов 50 минут, увидев в одной постели П. и ранее знакомого ему К., действуя из чувства ревности, имея умысел, направленный на убийство К., приискал хозяйственно-бытовой нож, действуя умышленно и осознавая общественно-опасный характер своих действий, нанес указанным ножом не менее 5 ударов в область туловища и конечностей К., в результате которых причинил смерть потерпевшему, после чего вызвал наряд скорой помощи, а после его приезда с места происшествия скрылся [53].

Во всех указанных случаях независимо от повода возникновения ревности, она не выступает как чувство, смягчающее ответственность виновного, независимо от наличия или отсутствия оснований для ревности.

При наличии квалифицирующих признаков ч. 2 ст. 105 УК РФ убийство из ревности не может считаться простым, а должно, как правило, рассматриваться как совершенное при отягчающих обстоятельствах. Однако практике известны случаи, когда при убийстве из ревности виновный, находясь в состоянии аффекта, вызванного изменой супруга, лишает жизни двух человек – супруга и лица, состоявшего с последним в интимной связи. В этих случаях содеянное надлежит квалифицировать не по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а по ч. 2 ст. 107 УК РФ («убийство двух или более лиц, совершенное в состоянии аффекта»).

По ч. 1 ст. 105 УК РФ квалифицируются действия, направленные на лишение жизни другого человека по мотиву мести. При этом месть не должна быть кровной, национальной, религиозной или другой какой ненависти или вражды, предусмотренные как квалифицирующие составы в ч. 2 ст. 105 УК РФ.

По ч. 1 ст. 105 УК РФ квалифицируются действия виновного, совершенные, к примеру, из чувства мести за супружеские измены [56], за причиненные побои и физическую боль [67], недостойное поведение кого-либо из членов семьи, совершение потерпевшим преступления.

Так, преступление Е.А.Г. совершено на почве мести за нанесенные ему потерпевшим телесные повреждения. Согласно показаний осужденного, 07.01.2012 года между ним и потерпевшим произошла ссора, спровоцированная последним, в ходе которой потерпевший нанес ему удары руками по лицу и телу. Это подтверждается показаниями свидетеля о том, что когда ее отец вернулся из туалета, куда уходил курить вместе с потерпевшим, у него была разбита губа. До того, как он ушел, данного повреждения у него не было. После этого в руках у Е.А.Г. появился нож. В этот момент потерпевший, вскочив из-за стола, убежал в коридор, где вскоре умер у нее на руках [54].

В целом, установление повода возникновения мести, явившейся мотивом убийства, позволяет конкретизировать в каждом случае общественную опасность деяния и личности виновного.

Еще одним мотивом совершения простого убийства, является мотив сострадания, выражающийся в чувстве жалости, сочувствия к мучениям потерпевшего, который страдает от неизлечимой болезни, к примеру. Целью такого преступления является не просто лишение жизни потерпевшего, а избавление его от боли, мучительных страданий, что возможно только посредством причинения ему смерти.

Так, Корсаков проживал вдвоем с потерпевшей, других близких родственников у них не было. С потерпевшей у него всегда были хорошие отношения. После того как у потерпевшей обнаружили онкологическое заболевание, она проходила лечение, ей сделали химиотерапию, но лечение не помогало. 15 мая 2011 года потерпевшая подвернула ногу, ее положили в больницу и у нее начались сильные боли, но никакого лечения ей фактически не проводили. Врачи сказали, что у потерпевшей пошли метастазы в

позвоночник и поскольку в больнице уход за больными плохой, врачи ему велели забирать домой. После этого она находилась дома, он ухаживал за ней, но становилось все хуже, обезболивающие лекарства, которые ей выписывали не помогали. Потерпевшая понимала, что у нее неизлечимое заболевание, дважды пыталась покончить с собой, пила таблетки и вскрывала себе вены. Последние месяцы уже не вставала, ее нельзя было даже повернуть, так как при каждом прикосновении у нее ломались кости. Потерпевшая говорила, что у нее ужасные боли, просила облегчить ее страдания и помочь ей уйти из жизни. Врачи ему объяснили, что со дня на день ему нужно ждать смерти. В последние дни потерпевшая уже не могла принимать пищу. В день убийства перед тем как лечь спать, Корсаков подошел к потерпевшей, услышал хрип, она говорила только шепотом. сказала, что больше не может терпеть, опять стала просить его помочь ей уйти из жизни, показала глазами на простыню. Он смутно помнит, что было дальше. Из жалости к потерпевшей он взял простыню и сдавил ею шею. Когда он брал простыню, говорила: «Давай смелее, не бойся». Отпустил простыню, когда понял, что умерла. Сделал это, так как не мог больше наблюдать за мучениями потерпевшей [71]

Проведенный во второй главе выпускной квалификационной работы анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, видовым и непосредственным объектами состава простого убийства является жизнь другого человека как биологического существа. Объективная сторона состава простого убийства состоит из:

- деяние (действие или бездействие) в виде причинения смерти потерпевшему;
- последствие в виде наступления смерти потерпевшего;
- причинная связь между совершенным деянием и наступившим последствием в виде смерти потерпевшего.

Во-вторых, субъект убийства характеризуется такими признаками, как физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет.

Простое убийство может быть совершено как с прямым, так и косвенным умыслом, когда лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, не желает, но сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично.

Мотивы преступления, квалифицируемого по ч. 1 ст. 105 УК РФ обусловлены личностными факторами, которые часто связаны с поведением потерпевшего.

В целом, правильное определение признаков объективной и субъективной стороны состава простого убийства обеспечит объективную квалификацию совершенного деяния, что в свою очередь позволит назначить справедливое наказание и позволит говорить о применении уголовно-правовых норм с соблюдением законности.

Глава 3 Вопросы квалификации простого убийства

3.1 Отграничение простого убийства от иных умышленных посягательств на жизнь человека

Особое значение для правильной квалификации простого убийства имеет рассмотрение вопроса о его отграничении от иных умышленных посягательств на жизнь человека.

Прежде всего, среди других, смежных убийству преступлений, наиболее близкими ему деяниями, связанными с причинением смерти другому человеку, являются посягательства на жизнь: государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ); лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ); сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ). Некоторые ученые считают, что эти уголовно-правовые нормы «фактически устанавливают ответственность за особо квалифицированные виды убийств с альтернативными составами» [18, с. 47].

«Посягательство» на жизнь – это «попытка сделать что-нибудь» (попытаться убить), «действие с целью осуществить что-нибудь, добиться чего-нибудь» (наступления смерти другого человека) [38, с. 571, 563].

Иными словами, это умышленные действия, направленные на причинение смерти другому человеку. Исходя из этого, можно сказать, что посягательство на жизнь как действие, направленное на убийство, имеет усеченный характер, то есть оно окончено с момента начала покушения на убийство соответствующего потерпевшего, хотя может быть и результативным, то есть включать и оконченное убийство последнего.

К указанным преступлениям, как оконченное посягательство на жизнь (убийство) примыкает убийство членов национальной, этнической, расовой или религиозной группы, то есть геноцид, совершаемый в такой наиболее опасной его форме (ст. 357 УК РФ).

Обособление или выделение таких видов убийства в других главах УК РФ и определение их как оконченных составов с момента покушения на убийство (их усеченность) объясняется особой значимостью и социальной ценностью потерпевшего, а через него и объекта посягательства (основы конституционного строя и безопасности государства; интересы правосудия; порядок управления; мир и безопасность человечества), которому прежде всего причиняется вред, наряду с тем, что потерпевший от такого посягательства лишается жизни или возникает непосредственная угроза его жизни. Если говорить о достоинствах такой структуры указанных посягательств на жизнь, то следовало бы указать законодателю о целесообразности и справедливости учета в данных статьях более опасного характера оконченного посягательства на жизнь с причинением потерпевшему смерти.

Учитывая особую степень общественной опасности составов посягательств на жизнь и геноцида в форме убийства потерпевших, указанных в ст. 357 УК РФ, эти преступления квалифицируются только по ст.ст. 277, 295, 317 и 357 УК РФ и не требуют дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ даже в тех случаях, когда в содеянном усматриваются признаки убийства, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ, помимо признака убийства, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ (для ст.ст. 277, 295 и 317 УК РФ), или признака убийства, предусмотренного п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ (для ст. 357 УК РФ) [5, с. 265].

Сравнивая санкции статей, предусматривающих ответственность за посягательство на жизнь и геноцид, совершаемый в форме убийства, и за квалифицированные виды убийства, следует сделать вывод, что законодатель оценил типовую степень общественной опасности первой группы преступлений как более высокую в сравнении со степенью опасности квалифицированных убийств и в связи с этим степень достижения цели посягательства на жизнь и наличие нескольких обстоятельств, отягчающих ответственность за убийство, может быть учтено при назначении наказания в

рамках санкции соответствующей статьи, предусматривающей ответственность за совершение указанных смежных с убийством посягательств на жизнь. Однако при исследовании проблемы разграничения убийства с этими преступлениями нельзя не заметить, что законодатель, поместивший составы убийства в начале Особенной части УК РФ, а посягательства на жизнь и геноцид ближе к концу этой части уголовного кодекса, по этому формальному признаку признал, что общественная опасность первых должна быть выше, чем последних. Это обстоятельство позволяет сомневаться в правильности рекомендации об отсутствии квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст. 277, 295, 317 и 357 УК РФ, без совокупности со ст. 105 УК РФ, хотя такая рекомендация является справедливой и соответствует социальной и юридической природе указанных преступлений.

Для разграничения убийств и самостоятельных видов посягательств на жизнь существенное значение имеет то, что любое преступление, предусмотренное ст.ст. 277, 295 и 317 УК РФ, совершается только с заранее обдуманым и прямым умыслом, а убийство может быть совершено как с прямым так и с косвенным умыслом, а также как с заранее обдуманым, так и с внезапно возникшим умыслом. При этом, посягающий на жизнь, как справедливо пишет Т.А. Плаксина, «предвидит неизбежность наступления последствий» [42, с. 118] и желает их наступления.

Много вопросов на практике возникает при отграничении убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшее его смерть (ч. 4 ст. 111 УК РФ). Формально-юридически разграничение указанных составов преступлений зависит от содержания и форм вины и от направленности умысла. В п. 3 Постановления № 1 указывается, что «при убийстве умысел виновного направлен на лишение потерпевшего жизни, а при совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, отношение виновного к наступлению смерти потерпевшего выражается в неосторожности. При решении вопроса о направленности умысла виновного

следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений, (например, ранение жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения».

Так, Савельев, признавая свою вину в причинении потерпевшей повреждений, в том числе повлекшего смерть, ни в ходе предварительного следствия, ни в судебном заседании не указывал, что имел намерение своими действиями лишить ФИО2 жизни путем нанесения множественных ударов.

Из материалов дела следовало, что в ходе ссоры Савельев на почве личных неприязненных отношений по причине ревности, в результате поведения ФИО2, спровоцировавшей его на конфликт, после множественных ударов кулаками по различным частям тела ФИО2, не повлекших вреда здоровью потерпевшей, нанес только один удар ножом в расположение жизненно важных органов - в правую половину грудной клетки, прекратил преступные действия по своей инициативе, при наличии реальной возможности с помощью того же орудия лишить ФИО2 жизни непосредственно после нанесения первого удара. После этого предпринимал меры к оказанию помощи, позвонив племяннику, сообщил о нанесении удара ножом «в бок» жене, которая чувствует себя плохо и просил его вызвать скорую помощь, поскольку сам не смог сделать это по сотовому телефону.

В приговоре суда отсутствовали выводы суда о том, что осужденный, нанося потерпевшей удар ножом в правую сторону груди, предвидел возможность или неизбежность наступления ее смерти и желал либо сознательно допускал ее смерть, либо безразлично к ней относился.

Исходя из данных обстоятельств, президиум пришел к выводу о доказанности направленности умысла Савельева только на причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни ФИО2, поскольку удар ножом был нанесен в жизненно важный орган – правую сторону груди. Утверждать, что осужденный при этом предвидел возможность или неизбежность

наступления смерти потерпевшей и желал либо сознательно допускал ее смерть, либо безразлично к ней относился, с учетом собранных по делу доказательств, не представляется возможным. В данном случае усматривается неосторожное отношение Савельева к наступлению смерти ФИО2.

В связи с отсутствием достаточной совокупности доказательств, подтверждающих умысел Савельева на убийство ФИО2, президиум пришел к выводу о переквалификации его действий ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ, поскольку действия Савельева заключались лишь в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, который повлек по неосторожности смерть ФИО2 [57].

В другом случае, доводы подсудимого об отсутствии у него умысла на причинение смерти потерпевшему противоречили объективным обстоятельствам дела, в том числе действиям самого подсудимого, с учетом большого количества нанесённых подсудимым потерпевшему ударов, их большой силы, их локализации на теле потерпевшего, использования подсудимым тяжёлого металлического предмета для нанесения ударов потерпевшему, в связи с чем подсудимый должен был осознавать общественную опасность своих действий и предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий в виде смерти потерпевшего. Поэтому, действия подсудимого Дорофеева В.В. суд квалифицировал по ч. 1 ст. 105 УК РФ [72].

В некоторых случаях встает вопрос о сопряженности состава простого убийства с квалифицированными составами, предусмотренными в ч. 2 ст. 105 УК РФ. К примеру, говоря о сопряженности убийства с преступлениями, указанными в п.п. «в», «з» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, законодатель имеет в виду совокупность этих преступлений.

По другому оцениваются преступления, сопровождающиеся убийствам и включающие в свое содержание убийство как квалифицирующий признак либо предполагают возможность совершения убийства в процессе

соответствующего насильственного преступления, которое должно охватывать убийство [5, с. 256].

К таким насильственным преступлениям относятся составы, предусматривающие квалифицирующий признак в виде умышленного причинения смерти другому человеку, это - террористический акт (п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ), захват заложника (ч. 4 ст. 206 УК РФ), диверсия (ч. 3 ст. 281 УК РФ).

В п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [48] сказано, что если террористический акт повлек умышленное причинение смерти, то содеянное квалифицируется п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требует.

Таким же образом должен решаться вопрос и относительно убийства, совершенного при захвате заложника (ч. 4 ст. 206 УК РФ) и диверсии (ч. 3 ст. 281 УК РФ). Иными словами, дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не нужно.

Однако А.И. Рарог придание умышленному причинению смерти человека статуса особо квалифицирующего признака захвата заложника (ч. 4 ст. 206), террористического акта (п. «б» ч. 3 ст. 205) и диверсии (ч. 3 ст. 281 УК РФ) считает ошибочным. Ученый выразил отрицательное отношение к данному законодательному решению и выразил ряд веских аргументов. Одним из них является несогласие с позицией Пленума Верховного Суда РФ, который рекомендует судам квалифицировать террористический акт, повлекший умышленное причинение смерти одному или большему числу лиц, только по п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, без дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ. Следуя такой рекомендации, суд оставит вне поля зрения многие квалифицирующие признаки, предусмотренные ч. 2 ст. 105 УК РФ, и к тому же назначит необоснованно мягкое наказание. Дело в том, что террористический акт с человеческими жертвами по п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ может повлечь максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до

20 лет (если не прибегать к пожизненному лишению свободы). А если бы оно назначалось по совокупности с ч. 2 ст. 105 УК РФ, то могло бы составить до 30 лет лишения свободы, не говоря уже о невозможности применения смертной казни, предусмотренной (хотя и формально) за квалифицированные виды убийства [80, с. 98].

В случаях, когда убийство сопряжено с бандитизмом, то Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 17 января 1997 г. (п.п. 12, 13) [49] и в постановлении № 1 (п. 11) рекомендует квалифицировать по совокупности как бандитизм и убийство, квалифицированное по данному признаку.

В ряде других, помимо бандитизма, сложных насильственных преступлений против общественного порядка, а также преступлений против национальной (государственной) безопасности умышленное посягательство на жизнь другого человека подразумевается как их составная часть в особо опасных случаях их совершения.

К таким преступлениям, например, относится состав преступления, предусмотренный ст. 211 УК РФ. При захвате такого судна или состава с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (п. «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ), да еще с применением оружия (п. «г» ч. 2 ст. 211 УК РФ) либо организованной группой (ч. 3 ст. 211 УК РФ) убийство в процессе совершения этого преступления как бы предполагается, причем нередко в числе двух или более лиц. Убийство, совершенное в процессе угона соответствующего судна или состава, подлежит самостоятельной юридической оценке. По совокупности преступлений, предусмотренных ст. 211 ч. 4 и ст. 205 или других статей УК РФ, предусматривающих ответственность за соответствующую террористическую деятельность, должны квалифицироваться случаи совершения рассматриваемого преступления, если оно сопряжено с совершением террористического акта или иной террористической деятельности [5, с. 338].

Во многом аналогичные соображения возникают также при анализе состава массовых беспорядков (ст. 212 УК РФ). Убийство здесь часто

становится фактической составной частью массовых беспорядков. Было бы вполне справедливо и логично, если бы законодатель закрепил это положение юридически, предусмотрев в отдельной части ст. 212 УК РФ повышенную ответственность за массовые беспорядки, повлекшие убийство.

Преступления, предусмотренные ст.ст. 278 и 279 УК РФ представляют повышенную общественную опасность не только потому, что они посягают на основы конституционного строя и безопасность государства, но и потому, что они совершаются с применением насилия, опасного для жизни и здоровья многих жертв, и сопровождаются применением оружия, в результате чего представляется неизбежной гибель людей вследствие умышленного причинения смерти многим жертвам. Здесь убийство другого человека также можно было бы рассматривать как отягчающее обстоятельство в составах насильственного захвата власти или насильственного удержания власти (в ч. 2 ст. 278 УК РФ) и вооруженного мятежа (в ч. 2 ст. 279 УК РФ).

Таким образом, для разграничения убийств и самостоятельных видов посягательств на жизнь существенное значение имеет то, что любое преступление, предусмотренное ст.ст. 277, 295 и 317 УК РФ, совершается только с заранее обдуманым и прямым умыслом, а убийство может быть совершено как с прямым так и с косвенным умыслом, а также как с заранее обдуманым, так и с внезапно возникшим умыслом.

Формально-юридически разграничение убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего по неосторожности, зависит от содержания, форм вины и направленности умысла лица. В преступлениях, предусмотренных ст.ст. 278 и 279 УК РФ убийство другого человека также можно было бы рассматривать как отягчающее обстоятельство в составах насильственного захвата власти или насильственного удержания власти (в ч. 2 ст. 278 УК РФ) и вооруженного мятежа (в ч. 2 ст. 279 УК РФ).

3.2 Квалификация содеянного при добровольном отказе от убийства

Спорным как в науке, так и на практике является вопрос добровольного отказа от доведения убийства до конца. Такой отказ возможен как на стадии приготовления к преступлению, так и при совершении покушения на убийство.

Добровольный отказ от совершения преступления предусмотрен в ст. 31 УК РФ и состоит из объективных и субъективных признаков.

Объективная сторона добровольного отказа от убийства включает следующие действия: прекращение выполнения preparatory actions либо прекращение выполнения действий непосредственно, направленных на причинение смерти человеку.

Субъективная сторона добровольного отказа от совершения убийства заключается в том, что субъект, который добровольно прекратил совершать preparatory actions или действия непосредственно направленные на лишение жизни другого человека, осознает то, что ту него есть возможность довести убийство до конца. Иными словами лицо прекращает свои действия добровольно, т.е. по собственным мотивам, желаниям, но не в силу вынужденных обстоятельств [85, с. 86].

Так, 31 января 2019 года в период времени около 23 часов 30 минут Быков, будучи в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя, проследовал к своей сожительнице и на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений к ней, появившихся вследствие сделанного ему последним замечания, осознавая общественную опасность своих действий, угрожал ей убийство, у которого имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, а именно действуя умышленно, достал охотничий нож и, держа его правой рукой, нанес один удар в область шеи потерпевший, однако потерпевший вовремя среагировав, уклонился от удара, после чего, Быков высказав потерпевшему о своих намерениях лишить его жизни: «Я тебя завалю!», вновь нанес с достаточной силой один удар ножом в шею

потерпевшему, однако последнему удалось уклониться от удара в шею, и удар пришелся в левое плечо, отчего потерпевший упал на пол. Затем Быков, нанеся при указанных обстоятельствах не менее 2 ударов охотничьим ножом полагая, что совершил все необходимые и достаточные действия, направленные на угрозу убийством, самостоятельно с ножом в руке покинул указанную квартиру. Своими преступными действиями Быков причинил Потерпевший рану верхней трети левого плеча, расцениваемая как не причинившая вреда здоровью, так как не повлекла его кратковременного расстройства или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности. В ходе предварительного следствия указанные действия подсудимого были квалифицированы по ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 105 УК РФ.

В ходе судебного заседания государственный обвинитель учитывая, что имел место быть добровольный отказ от преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 105 УК РФ переквалифицировал действия Быкова на ч. 1 ст. 119 УК РФ, так как лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит иной состав преступления [70].

Отказ от повторения уже совершенных действий, как и причины такого отказа – субъективные (запоздалое раскаяние), не имеет правового значения для квалификации действий виновного, и не может расцениваться как добровольный отказ от преступления, который на стадии оконченного покушения на преступление невозможен, поскольку подсудимая полностью выполнила все действия, которые без вмешательства врачей должны были окончиться наступлением смерти потерпевшего, и сознавала это.

Так, судом было установлено, что подсудимая Калугина, испытывая к потерпевшему личные неприязненные отношения на почве высказанных в ее адрес оскорблений, вооружилась ножом и нанесла им потерпевшему удар значительной силы в область сердца, причинив колото-резаную рану, проникающую в плевральную область грудной клетки, причинившую тяжкий вред здоровью.

При таких обстоятельствах суд пришел к выводу, что локализация и способ причинения телесного повреждения потерпевшему, нанесение удара ножом в левую часть грудной клетки, где расположены жизненно важные органы, свидетельствуют о том, что Калугина, вопреки ее утверждениям, не только предвидела, но и желала наступления смерти потерпевшей. Однако выраженный в этих действиях преступный умысел Калугиной на убийство и неразрывно связанный с ним желаемый результат – смерть потерпевшего, не наступили от уже нанесенного повреждения по независящим от подсудимой обстоятельствам, поскольку у потерпевшего не были задеты жизненно важные органы, ему своевременно была оказана квалифицированная медицинская помощь и остановлена критическая для жизни кровопотеря.

Дальнейшее поведение Калугиной, которая при наличии возможности добить потерпевшую, отказалась от повторения своих действий и очередного посягательства на жизнь потерпевшего, не влияет на квалификацию действий подсудимой, поскольку уже содеянное ею - нанесение удара ножом с причинением проникающей колото-резаной раны в области сердца, повлекшей обильную кровопотерю и болевой шок, которая относится к причинившей тяжкий вред здоровью и ставит потерпевшего в угрожающее для жизни состояние, в результате которых потерпевшая упала в ванной, потеряв сознание - содержит состав оконченного покушения на убийство, независимо от наличия у подсудимой возможности, но неиспользования повторения такого покушения [65].

Однако, отказ от совершения убийства под предлогом того, что в данной ситуации сам мог пострадать и лишиться жизни признается на практике добровольным отказом от совершения убийства.

Так, суд не согласился с выводами о том, что довести свой преступный умысел, направленный на убийство до конца, Бойченко не смог по независящим от него обстоятельствам, поскольку Романов, опасаясь за свою жизнь, приблизился к Бойченко вплотную, тем самым, не допустил примените данной гранаты, а также оказал активное сопротивление, вывел последнего с

территории своего гаража, где в ходе борьбы повалил его на землю и находясь сверху, стал удерживать последнего, после чего Бойченко, осознавая, что довести свой преступный умысел направленный на убийство потерпевшего до конца не сможет, выбросил вышеуказанную гранату от себя с целью не допустить причинения себе вреда.

Факт, что потерпевший вплотную приблизился к Бойченко, сам по себе не свидетельствует о том, что Бойченко не мог воспользоваться имеющейся у него гранатой и тем самым не допустил применение данной гранаты.

Нельзя расценивать тот факт, что подсудимый по требованию потерпевшего вышел из гаража как оказание потерпевшим активного сопротивления действиям подсудимого и в этот момент он мог реализовать свой умысел, направленный на убийство потерпевшего.

Иных действий, свидетельствовавших о том, что Бойченко довести свой преступный умысел, направленный на убийство до конца, не смог по независящим от него обстоятельствам, в судебном заседании установлено не было.

Согласно требований закона, ответственность наступает за приготовление к преступлениям или покушение на преступления, которые предусмотрены соответствующей частью ст. 105 УК РФ только если виновный, не ограничиваясь угрозой, совершает иные действия, направленные на создание условий для совершения убийства или причинения тяжкого вреда здоровью либо непосредственно направленные на совершение этих действий.

Покушение на убийство предопределяет выполнение действий, способных по своим объективным свойствам лишить потерпевшего жизни. Вместе с тем, как видно из представленных следствием доказательств и установленных в судебном заседании доказательств, таких действий не установлено.

Исходя из того, что Бойченко добровольно отказался от умысла на совершения убийства, даже под предлогом того, что в данной ситуации сам

мог пострадать и лишиться жизни, это необходимо считать как добровольный отказ от совершения убийства, но не как покушение на убийство [69].

Остро дискуссионным является вопрос о возможности добровольного отказа от совершения убийства на стадии оконченого покушения, т.е. когда виновный выполнил все необходимые действия, направленные на лишение жизни другого человека и в результате привел его в опасное для жизни состояние, однако смерть потерпевшего не наступила.

На практике возникают ситуации, когда виновный нанес потерпевшему повреждения, опасные для жизни, либо преднамеренно поставил его в условия, в которых он погибнет. По данному вопросу ученые высказывают различные мнения относительно возможности признания в таких случаях добровольного отказа от доведения убийства до конца.

По мнению одних ученых в таком случае добровольного отказа быть не может, т.к. лицо, осуществив оконченое покушение, уже выполнило все действия, необходимые для достижения преступного результата. Деятельность по предотвращению общественно опасных последствий является лишь деятельным раскаянием, которое не устраняет ответственность, а только смягчает ее [32, с. 543-576; 86, с. 8]. По мнению А.В. Наумаова причина отсутствия добровольного отказа в таких действиях заключается в том, что виновному лицу не подконтрольно развитием причинной связи [37, с. 283-284].

Такой же позиции придерживается и судебная практика.

Например, судом было установлено, что Бучельников совершил оконченое покушение на убийство потерпевшего, поскольку выполнил все намеченные им действия и осознавал это, однако, желаемый результат не был достигнут не зависело от его воли, так как потерпевшему своевременно была оказана квалифицированная медицинская помощь. Последующее поведение Бучельникова, не пытавшегося продолжить нападение на потерпевшего, а напротив вызвавшего скорую помощь, является не добровольным отказом от совершения преступления, а отказом от продолжения преступного

посягательства, свидетельствующим о раскаянии в содеянном, и не может повлиять на квалификацию его действий

Таким образом, решая вопрос о юридической оценке действий Бучельникова, суд пришел к выводу, что им было совершено покушение на убийство, то есть умышленные действия, непосредственно направленные на причинение смерти другому человеку, которые не были доведены до конца по независящим от него обстоятельствам. По указанным признакам суд квалифицировал его действия по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ [77].

Не является добровольным отказом от убийства и недоведение его до конца, в связи с уверенностью виновного, что смерть потерпевшего им уже была причинена, поскольку тот находился без сознания и не подавал признаков жизни [75].

Согласно другой точки зрения в таких случаях возможен добровольный отказ в активной форме и при условии, что покушавшийся еще может не допустить наступления смерти [40, с. 525-528; 41, с. 161-164].

Обосновывая эту точку зрения, В.Ф. Караулов указывает: «Необходимым признаком добровольного отказа является осознание фактической возможности успешного продолжения преступной деятельности.

Однако это не означает, что если субъектом выполнены все действия, которые он считал необходимыми для наступления преступного результата, то о каком-либо продолжении совершения преступления не может быть и речи, ибо сам процесс наступления преступного результата является не чем иным, как продолжением, логическим завершением преступных действий.

И если наступление преступного результата зависит от виновного, то в полной мере можно утверждать, что от лица зависит дальнейшее продолжение совершения преступления» [98, с. 241-242].

А.П. Козлов считает возможным добровольный отказ, так как если допускать вмешательство в развитие причинной связи иных лиц после завершения деяния-исполнения, в случае неоконченного преступления в виде покушения, то нет оснований не признавать «такое вмешательство объективно

оправданным в отношении иных лиц и отрицаем право виновного на вторжение в развитие причинной связи или признаем за ними подобное право, но не считаем добровольным отказом такое прерывание преступной деятельности, благодаря которому задуманный преступный результат не наступил» [25, с. 167].

По справедливому замечанию Т.А. Плаксиной есть все основания признать возможность активного добровольного отказа, так как выполняются оба условия, описанные в ч. 1 ст. 31 УК РФ: преступление еще не доведено до конца (смерть потерпевшего не наступила), и лицо осознает возможность его завершения, понимая, что его бездействие после приведения потерпевшего в опасное для жизни состояние приведет к смерти [41, с. 161-162].

Такой подход представляется вполне обоснованным. На первый взгляд, ему противоречит включение в перечень смягчающих наказание обстоятельств оказания медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ), поскольку законодатель дает тем самым понять, что он не исключает в таких случаях уголовную ответственность, а лишь смягчает ее.

Однако в научной литературе справедливо отмечается, что применительно к рассматриваемой ситуации «оказание помощи потерпевшему будет смягчающим обстоятельством только в тех случаях, когда оно не привело к предотвращению смерти потерпевшего. Если же в результате подобных действий смерть не наступила, то налицо добровольный отказ от доведения убийства до конца, исключаяющий ответственность» [41, с. 164].

Не может служить достаточным доказательством отсутствия в таких случаях добровольного отказа и то обстоятельство, что лицо, совершившее все действия, от которых должна наступить смерть потерпевшего, далее не полностью контролирует развитие причинной связи и наступление последствий.

Т.А. Плаксина верно указывает на то, что «рассуждения о том, полностью ли контролировало лицо развитие событий или нет, теряют смысл, если посягавшему активными действиями удалось все-таки предотвратить наступление смерти, например, врачи вызванной стрелявшим «скорой помощи» спасли потерпевшему жизнь» [41, с. 162].

Констатация добровольного отказа от доведения убийства до конца в анализируемых ситуациях далеко не всегда полностью исключает уголовную ответственность лица. Она исключает лишь ответственность за покушение на убийство; если же при этом потерпевшему причинен тяжкий вред здоровью, опасный для жизни, он подлежит самостоятельной квалификации по ст. 111 УК РФ с учетом положений ч. 3 ст. 31 УК РФ.

Примечательно, что в правоприменительной практике в подобных случаях при переквалификации содеянного с покушения на убийство на умышленное причинение тяжкого вреда здоровью крайне редко можно найти указание на то, что основанием переквалификации послужил добровольный отказ от доведения убийства до конца.

Обычно суды ссылаются на то, что у лица отсутствовал умысел на лишение жизни потерпевшего, хотя содеянное свидетельствует об обратном.

Таким образом, правоприменители необоснованно отождествляют абсолютно различные правовые явления – отсутствие умысла на убийство и добровольный отказ от доведения убийства до конца и, напротив, уравнивают наличие умысла и отсутствие добровольного отказа.

Для квалификации содеянного как покушения на убийство, помимо совершения действий, которые способны привести к смерти потерпевшего, необходимо наличие прямого определенного умысла на причинение смерти и обстоятельств, не зависящих от воли виновного, в силу которых преступление не было доведено до конца.

Отсутствие прямого умысла на причинение смерти, с одной стороны, и отсутствие обстоятельств, свидетельствующих о вынужденности

прекращения преступной деятельности – с другой, дают совершенно разные правовые основания для применения ст. 111 УК РФ.

В первом случае невозможно квалифицировать преступление как покушение на убийство из-за отсутствия одного из признаков состава покушения – прямого определенного умысла на причинение смерти; косвенный умысел по отношению к смерти или прямой неопределенный умысел позволяют осуществить квалификацию лишь по фактически наступившим последствиям.

Во втором случае имеет место прямой определенный умысел на убийство, что первоначально дает возможность оценивать деяние как покушение на совершение данного преступления, однако дальнейшее поведение лица свидетельствует о добровольном отказе от доведения убийства до конца [33, с. 92].

Следует подчеркнуть, что добровольный отказ при поставлении потерпевшего в опасное для жизни состояние возможен только в активной форме, когда лицо предпринимает усилия, чтобы вывести потерпевшего из такого состояния и предотвратить его смерть.

Простого прекращения действий при этом недостаточно. Тем не менее, в судебной практике встречаются случаи неправильной уголовно-правовой оценки.

При этом, в одном деле суд кассационной инстанции ссылаясь на то, что характер действий осужденного свидетельствует о наличии умысла на лишение жизни потерпевшей, что, кстати, не оспаривал и суд апелляционной инстанции, тогда как более правильным обоснованием было бы указание на то, что, поставив потерпевшую в опасное для жизни состояние, виновный не совершил никаких активных действий для предотвращения наступления ее смерти [23].

Добровольный отказ отсутствует не потому, что не было умысла на убийство (напротив, при отсутствии умысла не могло бы быть и

добровольного отказа), а потому, что виновный не предпринял ничего, чтобы общественно опасные последствия в виде смерти не наступили.

В ряде случаев суды ошибочно не усматривают добровольный отказ при причинении потерпевшему тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, даже при оказании медицинской помощи со стороны виновного лица и предотвращении наступления смерти, когда виновный осознавал, что смерть еще не наступила, и он может довести преступление до конца [76].

Представляется, что с целью формирования единообразной судебной практики Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 необходимо дополнить следующим пунктом:

«Если в процессе реализации виновным прямого умысла, направленного на причинение смерти потерпевшему, последнему был причинен тяжкий вред здоровью, опасный для жизни, либо потерпевший был иным образом поставлен в опасное для жизни состояние, развитие которого способно привести к наступлению смерти, а виновный, осознавая это обстоятельство и имея возможность полностью реализовать умысел на убийство, предпринял активные успешные действия для предотвращения наступления смерти, содеянное содержит признаки добровольного отказа от доведения убийства до конца.

Действия виновного квалифицируются по фактически наступившим последствиям».

В заключении третьей главы выпускной квалификационной работы, необходимо сделать следующие выводы.

Во-первых, разграничение убийств и самостоятельных видов посягательств на жизнь важно иметь ввиду то, что любое преступление, предусмотренное ст.ст. 277, 295 и 317 УК РФ, совершается только с заранее обдуманым и прямым умыслом, а убийство может быть совершено как с прямым так и с косвенным умыслом, а также как с заранее обдуманым, так и с внезапно возникшим умыслом.

Во-вторых, остро дискуссионным является вопрос о возможности добровольного отказа от совершения убийства на стадии оконченного покушения, т.е. когда виновный выполнил все необходимые действия, направленные на лишение жизни другого человека и в результате привел его в опасное для жизни состояние, однако смерть потерпевшего не наступила.

В ряде случаев суды ошибочно не усматривают добровольный отказ при причинении потерпевшему тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, даже при оказании медицинской помощи со стороны виновного лица и предотвращении наступления смерти, когда виновный осознавал, что смерть еще не наступила, и он может довести преступление до конца.

С целью формирования единообразной судебной практики необходимо данный вопрос решить посредством соответствующего дополнения постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1.

Заключение

Изложенное в настоящей выпускной квалификационной работе позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, как объект уголовно-правовой охраны, понятие личность является собирательным и выступает в качестве межродового объекта, охватывая такие родовые объекты уголовно-правовой охраны, как жизнь и здоровье, свобода, честь, достоинство, половая неприкосновенность и половая свобода, конституционные права и свободы, интересы семьи и несовершеннолетних.

Важнейшей составляющей в структуре личности выступают жизнь и здоровье человека, в связи с чем, глава 16 УК РФ открывает как раздел VII, так и в целом Особенную часть УК РФ. В главе 16 УК РФ можно выделить три вида преступлений против жизни: убийство (ст.ст. 105-108 УК РФ), причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) и доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ). Однако некоторые ученые такое расположение преступлений против жизни оценивают как несправедливую и бессистемную.

Все чаще на страницах научной печати появляются заявления о включении в действующий УК РФ нормы, предусматривающей уголовную ответственность за эвтаназию, т.е. за убийство с согласия потерпевшего. Представляется, что данная инициатива нуждается в обязательном законодательном закреплении в ближайшее время, дабы соответствовать передовому опыту цивилизованных стран, тем более, если смотреть на судебную практику, то за такие преступления дают сравнительно небольшие сроки. Соглашаясь с необходимостью включения в УК РФ самостоятельного состава за убийство, совершенного из-за сострадания, следует отметить, что в таких преступлениях, умысел виновного направлен фактически не на злостное убийство, а на то, чтобы прекратить страдания потерпевшего. И именно мотив является смягчающим обстоятельством. Установив ответственность за такое преступление должен доказываться факт просьбы (согласия) потерпевшего,

что на практике будет достаточно трудно. Представляется, что введение самостоятельного состава за убийство, совершенное с согласия потерпевшего явилось бы решением вопроса об отношении законодателя к данному явлению, в котором много наносного и ложного.

Много споров в доктрине вызывает построение системы УК РФ, в котором посягательство на жизнь отдельного человека считается наиболее опасным преступлением по сравнению с посягательством на человечество, международное сообщество и общественную безопасность.

В целом, система Особенной части УК РФ в части системы преступлений против жизни нуждается в совершенствовании, для чего имеются достаточные основания. Предложения ученых становятся предметом научных дискуссий в среде юридической общественности, политических и общественных деятелей и способны реформировать систему уголовно-правового противодействия убийствам и другим преступлениям, связанным с посягательством на жизнь человека и безопасность личности.

Во-вторых, состав простого убийства предусмотрен в ч. 1 ст. 105 УК РФ, который является основным составом данного вида преступлений. В той же части ст. 105 УК РФ сформулировано законодателем определение убийства как умышленного причинения смерти другому человеку.

Изложенное позволило сделать вывод о том, что в теоретическом аспекте под убийством следует понимать умышленное общественное опасное деяние, направленное на лишение жизни другого живого человека и повлекшее последствие в виде смерти потерпевшему.

В-третьих, при рассмотрении объекта состава простого убийства, было обращено внимание на необходимость разделения человека как социального субъекта и личность как отображение способностей человека. При этом, видовым и непосредственным объектами состава простого убийства является жизнь другого человека как биологического существа.

Признав жизнь как непосредственный объект состава простого убийства на практике возникает вопрос квалификации действий лица, которые

направлены на лишение жизни человека, находящегося в состоянии клинической или биологической смерти. Правильное решение данного вопроса зависит от понимания понятия «жизнь», его начало и конец.

Представляется уместным законодательно закрепить правовой статус эмбрионов в России посредством внесения соответствующих изменений в преамбулу ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: «...закон устанавливает основные гарантии прав и законных интересов ребенка как до, так и после его рождения, которые предусмотрены Конституцией Российской Федерации, в целях создания правовых, социально-экономических условий для реализации прав и законных интересов ребенка».

Если объектом убийства является жизнь человека, то потерпевший от этого преступления – человек живущий, от новорожденного и живого до биологической смерти любого человека. Потерпевшим является именно другой человек.

Ученые, рассматривая такой вид простого убийства как убийство из сострадания в качестве непосредственного объекта также указывают жизнь потерпевшего, который однако характеризуется определенными признаками, в числе которых: неизлечимая болезнь или иным образом обреченный на смерть, беспомощное состояние, испытывающий непереносимые страдания, муки, неспособен убить себя сам безболезненным способом, добровольно и осознанно попросил прекратить его страдания посредством лишения его жизни.

Объективная сторона состава простого убийства состоит из:

- деяние (действие или бездействие) в виде причинения смерти потерпевшему;
- последствие в виде наступления смерти потерпевшего;
- причинная связь между совершенным деянием и наступившим последствием в виде смерти потерпевшего.

В-четвертых, субъект убийства характеризуется такими признаками, как физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет. В работе было

обращено внимание на то, что в доктрине обсуждается вопрос относительно субъекта убийства, совершенного из сострадания, т.е. эвтаназии. Некоторые ученые полагают, что субъект такого вида простого убийства – специальный, так как совершить его могут медицинские или социальные работники. Однако автор настоящей выпускной квалификационной работы, придерживается позиции ученых, которые считают, что субъект убийства из сострадания – общий, т.е. им может являться любое вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности за данный вид преступления.

Простое убийство может быть совершено как с прямым, так и косвенным умыслом, когда лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, не желает, но сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично. Мотивы преступления, квалифицируемого по ч. 1 ст. 105 УК РФ обусловлены личностными факторами, которые часто связаны с поведением потерпевшего.

В целом, правильное определение признаков объективной и субъективной стороны состава простого убийства обеспечит объективную квалификацию совершенного деяния, что в свою очередь позволит назначить справедливое наказание и позволит говорить о применении уголовно-правовых норм с соблюдением законности.

В-пятых, посягательство на жизнь – это умышленные действия, направленные на причинение смерти другому человеку. Исходя из этого, можно сказать, что посягательство на жизнь как действие, направленное на убийство, имеет усеченный характер, то есть оно окончено с момента начала покушения на убийство соответствующего потерпевшего, хотя может быть и результативным, то есть включать и оконченное убийство последнего.

Среди других, смежных убийству преступлений, наиболее близкими ему деяниями, связанными с причинением смерти другому человеку, являются посягательства на жизнь:

- государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ);

- лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ);
- сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ).

Для разграничения убийств и самостоятельных видов посягательств на жизнь существенное значение имеет то, что любое преступление, предусмотренное ст.ст. 277, 295 и 317 УК РФ, совершается только с заранее обдуманым и прямым умыслом, а убийство может быть совершено как с прямым так и с косвенным умыслом, а также как с заранее обдуманым, так и с внезапно возникшим умыслом.

В-шестых, дискуссионным является вопрос о возможности добровольного отказа от совершения убийства на стадии оконченного покушения. С целью формирования единообразной судебной практики необходимо Постановление Пленума Верховного Суда РФ №1 дополнить следующим пунктом:

«Если в процессе реализации виновным прямого умысла, направленного на причинение смерти потерпевшему, последнему был причинен тяжкий вред здоровью, опасный для жизни, либо потерпевший был иным образом поставлен в опасное для жизни состояние, развитие которого способно привести к наступлению смерти, а виновный, осознавая это обстоятельство и имея возможность полностью реализовать умысел на убийство, предпринял активные успешные действия для предотвращения наступления смерти, содеянное содержит признаки добровольного отказа от доведения убийства до конца. Действия виновного квалифицируются по фактически наступившим последствиям».

Список используемой литературы и используемых источников

1. Анианц М.К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. М., 1964. 240 с.
2. Антоненко М.М. Эвтаназия как разновидность убийства в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018. 188 с.
3. Антоненко, М. М. Уголовно-правовая оценка эвтаназии как отдельного состава преступления / М.М. Антоненко // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1. С. 141-145.
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.02.2016 г. по делу № 10-934/2016 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс, 2017.
5. Бабичев А.Г. Убийство и другие смежные преступления и деяния, связанные с посягательством на жизнь человека (вопросы разграничения при квалификации преступлений и правомерных деяний) / Под науч. ред. Б.В. Сидорова. Казань, 2016. 412 с.
6. Бабичев А.Г., Сидоров Б.В. Понятие убийства и систематизация уголовного законодательства России об ответственности за убийство: инновационные проблемы совершенствования уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 3. С. 5-9.
7. Боброва И. Врачи не принимали роды без денег: ребенок умер в утробе // Московский комсомолец. 2000. 26 марта.
8. Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья. М.Е Зерцало-М, 2005. 144 с.
9. Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994. 360 с.
10. Бородин С.В. Преступления против жизни. М.: Юристъ, 2000. 356 с.

11. Винокуров В.Н. Жизнь человека как объект преступления: система Особенной части Уголовного кодекса РФ и квалификация деяний // Современное право. 2016. № 12. С. 114-119.
12. Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань, 1982. 190 с.
13. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1998. 10 декабря. № 239.
14. Горбатова М.А., Щипанова Н.И. Ответственность за убийство из сострадания: некоторые вопросы теории и практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 19. № 3. С. 22-28.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
16. Гюлишанова И.А. Уголовно-правовой статус потерпевшего при эвтаназии // Законность. 2011. № 3. С. 52–55.
17. Декларация прав ребенка (Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.
18. Егорова Н. Совокупность убийства с другими преступлениями: перспективы законодательства и правоприменительная практика // Уголовное право. 2014. № 5. С. 45-49.
19. Епифанов Б.В. Принцип социальной справедливости и уровни его проявления в уголовном праве (правотворческий аспект). СПб., 2004. 330 с.
20. Загородников Н. И. Преступления против жизни. М., 1961. 280 с.
21. Закон РФ от 22.12.1992 г. № 4180-1 (ред. от 23.05.2016) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 62.
22. Капитонова Е.А., Романовская О.В., Романовский Г.Б. Правовое регулирование трансплантологии: Монография. М.: Проспект, 2016. 290 с.

23. Кассационное постановление Президиума Смоленского областного суда от 19.06.2014 г. №44У-51/2014 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 10.01.2020).

24. Ковалев М. И. Правовые проблемы защиты жизни, здоровья и генетического достоинства человека. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1996. 240 с.

25. Козлов А.П. Неоконченное преступление: учебное пособие. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1999. 440 с.

26. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 624 с.

27. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

28. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164) (Заключена в г. Овьедо 04.04.1997) (с изм. от 27.11.2008) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.

29. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

30. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий (постатейный) / Под ред. Ю.А. Дмитриева. М. : Юстицинформ, 2007. 366 с.

31. Кузнецов В.И. Понятие убийства в российском уголовном праве // Сибирский юридический вестник. 2003. № 4. С. 42-44.

32. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1 / Под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л. : Изд-во ЛГУ, 1968. 712 с.

33. Лызлов А.И. Добровольный отказ от доведения убийства до конца на стадии покушения // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2015. № 3 (41). С. 91-94.
34. Международное право / Под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. М., 2008. 623 с.
35. Мокринская В.И. Конституционные начала национального, международного и зарубежного законодательства в области охраны права на жизнь и обеспечения безопасности личности: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 36 с.
36. Мухачева И.М. Применение положений ч. 3 ст. 20 УК РФ о «возрастной незрелости» // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 115-119.
37. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: БЕК, 1996. 770 с.
38. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. 960 с.
39. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. 5. М., 1971. 680 с.
40. Пионтковский, А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. 713 с.
41. Плаксина Т.А. Общие вопросы уголовной ответственности за убийство. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 360 с.
42. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках преступления. Барнаул, 2006. 210 с.
43. Побегайло Э.Ф. Избранные труды. СПб., 2008. 622 с.
44. Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965. 330 с.

45. Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. Т. II: Преступления против личности. СПб., 2008. 622 с.

46. Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб.: юридический центр Пресс, 2003. 898 с.

47. Постановление ЕСПЧ от 02.06.2005 г. «Дело «Знаменская (Znamenskaya) против Российской Федерации» (жалоба № 77785/01) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

48. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // БВС РФ. 2012. № 4.

49. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // БВС РФ. 1997. № 3.

50. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // БВС РФ. 1999. № 3.

51. Постановление Правительства РФ от 20.09.2012 г. № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека» / Собрание законодательства РФ. 2012. № 39. Ст. 5289.

52. Постановление Президиума Верховного суда Республики Бурятия от 27.04.2018 г. № 44У-45/2018 [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.

53. Постановление Президиума Московского городского суда от 06.09.2016 г. по делу № 44у-372/2016 [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс, 2017.

54. Постановление Президиума Самарского областного суда от 08.09.2016 г. № 44У-158/2016 [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.

55. Постановление Самарского областного суда № 44У-158/2016 4У-1486/2016 от 08.09.2016 г. по уголовному делу № 44У-158/2016 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.02.2020).

56. Постановление Самарского областного суда от 12.05.2016 г. № 44У-88/2016 4У-986/2016 по уголовному делу № 44У-88/2016 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.02.2020).

57. Постановление Самарского областного суда от 18.04.2019 г. № 44У-95/2019 4У-565/2019 по уголовному делу № 44У-95/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.02.2020).

58. Правовое регулирование трансплантации в Российской Федерации: научно-практическое пособие / Отв. ред. Н.В. Путило. Москва: Проспект, 2019. 410 с.

59. Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области по уголовному делу № 1-852/2016 от 29.11.2016 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://avtozavodsky--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 17.02.2020 г.).

60. Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области по уголовному делу [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://avtozavodsky--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 17.02.2020 г.).

61. Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 03.10.2016 г. по уголовному делу [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://avtozavodsky--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (Дата обращения: 17.05.2017 г.).

62. Приговор Автозаводского районного суда от 08.02.2019 г. № 1-35/2019 1-763/2018 по уголовному делу № 1-35/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.02.2020).

63. Приговор Железнодорожного районного суда г. Самары от 08.05.2019 г. № 103/2019 1-103/2019 по уголовному делу № 103/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.02.2020).

64. Приговор Железнодорожного районного суда г. Самары от 11.02.2014 г. № 1-355/2013 1-25/2014 1-25/2014(1-355/2013;) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.02.2020).

65. Приговор Катайского районного суда Курганской области от 07.05.2019 г. № 1-26/2019 по уголовному делу № 1-26/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.02.2020).

66. Приговор Кинельского районного суда Самарской области от 05.06.2019 г. № 1-112/2019 от 5 июня 2019 г. по уголовному делу № 1-112/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.02.2020).

67. Приговор Кинельского районного суда Самарской области от 11.01.2013 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.02.2020).

68. Приговор Кошкинского районного суда Самарской области № 1-2-9/2019 от 30.01.2019 г. по уголовному делу № 1-2-9/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.02.2020).

69. Приговор Минераловодского городского суда Стравропольского края от 11.03.2019 г. № 1-89/2019 от 11 марта 2019 г. по уголовному делу № 1-89/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.02.2020).

70. Приговор Олюторского района Камчатского края от 19.07.2019 г. № 1-12/2019 по уголовному делу № 1-12/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.02.2020).

71. Приговор Орехово-Зуевского городского суда от 21.06.2012 г. № 1-280/12 от 21 июня 2012 г. по уголовному делу № 1-280/12 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.02.2020).

72. Приговор Промышленновского районного суда Кемеровской области от 17.07.2019 г. № 1-91/2019 по уголовному делу № 1-91/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.02.2020).

73. Приговор Самарского гарнизонного военного суда Самарской области от 04.02.2019 г. № 1-100/2018 1-8/2019 по уголовному делу № 1-100/2018 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.02.2020).

74. Приговор Синарского районного суда г. Каменск-Уральского Свердловской области № 1-137/2019 от 30.05.2019 г. по уголовному делу № 1-137/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.02.2020 г.).

75. Приговор Советского районного суда от 17.06.2019 г. № 1-214/2019 по уголовному делу № 1-214/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.02.2020).

76. Приговор Трубачевского районного суда Брянской области от 27.05.2011 г. по делу №1-46 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 10.01.2020).

77. Приговор Шадринского районного суда от 08.07.2019 г. № 1-174/2019 по уголовному делу № 1-174/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.02.2020).

78. Приказ Минздрава России от 25.12.2014 г. № 908н «О Порядке установления диагноза смерти мозга человека» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.

79. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 г. № 194н (ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени

тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. 2008. 5 сентября. № 188.

80. Рарог А.И. Ошибка законодателя: виды, причины, пути исправления // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 94-99.

81. Романовский Г.Б. Правовая охрана материнства и репродуктивного здоровья. М.: Проспект, 2016. 410 с.

82. Среднев В.А. Квалификация преступлений против личности: учебное пособие. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. 429 с.

83. Сидоров Б.В., Бабичев А.Г. Убийство в системе посягательств на жизнь человека и вопросы совершенствования уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 2. С. 150-156.

84. Сидоров Б.В., Бабичев А.Г. Убийство: понятие, основной и квалифицированные виды (вопросы применения и совершенствования уголовного законодательства) / Под общ. ред. Б.В. Сидорова. Казань, 2015. Том Часть 1. 460 с.

85. Ситникова А.И. Алгоритм и правила квалификации убийств, совершенных без отягчающих и смягчающих признаков (часть 1 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7. № 2 (23). С. 86.

86. Скорилкин, Н.М. Добровольный отказ от преступления и его место в системе обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 33 с.

87. Скоробогатова В.В. Правовые аспекты эвтанази // Российский юридический журнал. 2009. № 5. С. 102-107.

88. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2014 года. Москва, 2015. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 15.02.2020).

89. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2015 года. Москва, 2016. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 15.02.2020).

90. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года. Москва, 2017; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 года. Москва, 2018. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 15.02.2020).

91. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года. Москва, 2019. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 15.02.2020).

92. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. Москва, 2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 15.02.2020).

93. Уголовное право России. В 2-х т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 1998. 720 с.

94. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017. 680 с.

95. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. В.К. Дуюнова. М., 2017. 720 с.

96. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012. 759 с.

97. Уголовное право России: Особенная часть / Под ред. А.И. Рарога. М., 2010. 776 с.

98. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2014. 477 с.

99. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. 670 с.

100. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.П. Ревина, Р.А. Базарова. Челябинск, 2001. 577 с.

101. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

102. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

103. Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 125-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3803.

104. Харламов В.С. Совершенствование уголовно-правовой охраны внутрисемейных отношений // Современное право. 2015. № 7. С. 117 – 120.

105. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. М., 1973. 310 с.

106. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. 477 с.

107. Штанькова А.П. Волеизъявление лица о причинении ему смерти - обязательный элемент для квалификации деяния в качестве привилегированного убийства (по УК зарубежных стран) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 6. С. 23 – 26.

108. Энциклопедия мысли. Собрание афоризмов и изречений от древности до наших дней. В 2-х т. Т. 2. СПб., 2000. 844 с.